

Региональный общественный фонд «Информатика для демократии»
Труды Фонда ИНДЕМ

Баранов А.Н., Михайлова О.В.,
Сатаров Г.А., Шипова Е.А.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
методы анализа тематической
структуры и метафорики**

Москва
2004

УДК [303.4:323](470+571)(066)

ББК 66.2(2Рос)в642я54

П50

Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А.

П50 Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. — М.: [Фонд ИНДЕМ], 2004. — 94 с. (Труды фонда ИНДЕМ / Регион. обществ. фонд Информатика для демократии). Агентство СІР РГБ

УДК [303.4:323](470+571)(066)

ББК 66.2(2Рос)в642я54

ISBN 5-902204-09-7

© Баранов А.Н., Михайлова О.В.,
Сатаров Г.А., Шипова Е.А., 2004

© Фонд ИНДЕМ, 2004

Содержание

Введение: политический дискурс как объект исследования	4
Постановка задачи исследования	7
РАЗДЕЛ 1.	
Тематический мониторинг политического дискурса: корпусно-ориентированный подход	12
1.1. Корпус текстов: сбор материала и результирующая структура	12
1.2. Информационно-поисковый тезаурус системы тематического мониторинга	18
1.3. Программа обработки данных SigmaFE	20
1.4. Возможности и результаты использования системы тематического мониторинга политического дискурса	25
1.5. Тематика политического дискурса на различных исследовательских срезах	31
РАЗДЕЛ 2.	
Метафорическое осмысление темы «Большой бизнес и власть» в политическом дискурсе	39
2.1. Метафора как объект анализа	39
2.2. Тема «Большой бизнес и власть» в структуре политического дискурса: динамика и интенсивность обсуждения.	41
2.3. Кризисность политической ситуации и эксперимент К. де Ландсхеер	44
2.4. Типы метафорических моделей в дискурсе темы «Большой бизнес и власть»	50
2.5. Количественные характеристики метафорических моделей	71
Основные выводы	83
Литература	90
Список источников	92

ВВЕДЕНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение политического дискурса — как его тематики, так и особенностей политического языка и используемых дискурсивных практик — относится к наиболее актуальным задачам политологии и политической лингвистики. Феномен политического дискурса, будучи междисциплинарным по своим базовым свойствам, интересует и представителей социологии, социальной психологии, культурологии, специалистов по теории массовой коммуникации и теории воздействия. Разработка и применение современных методов анализа политических текстов и текстов СМИ позволяют получать адекватные данные о состоянии общественного сознания, о доминирующих политических установках относительно актуальных общественно-политических проблем.

На современном этапе в России исследования дискурса, с одной стороны, актуальны и востребованы на практике, с другой — затруднены из-за отсутствия отработанных методик, позволяющих получать достоверные данные, которые можно подтвердить аналогичным независимым исследованием. Это связано с отсутствием традиции в использовании точных методов анализа гуманитарного знания, что отчасти объясняется неявным (а иногда и явным) запретом на проведение подобных исследований в советский период. В результате, когда в начале 90 гг. XX в. в России возник социальный заказ на лингвистический мониторинг политического дискурса, ни отечественная наука, ни практика не смогли предложить адекватного инструментария — комплекса методик анализа общественного сознания на основе исследования текстов.

В последние годы ситуация меняется, появляется все больше исследований, в которых применяются точные методы в изучении дискурса, однако потребности общественных наук, и, в частности, политологии, постоянно расширяются. Требуются все новые — более формализованные и оперативные — инструменты для анализа состояния общественного сознания.

Разработка формализованных методов анализа текстов СМИ и текстов, функционирующих в сфере публичной политики, для исследования дискурсивных практик и выявления отношения общества к тем или иным политическим проблемам можно назвать **дискурсивным подходом** в политологии и политической лингвистике. Дискурсивный подход в обозначенном понимании предполагает широкое использование компьютерных технологий обработки текстовой информации.

Как таковой дискурсивный подход — относительно новое направление в политической науке, его популярность в последние годы связана, прежде всего, с переосмыслением роли языка в современном обществе¹. Именно благодаря активной деятельности средств массовой коммуникации язык становится инструментом влияния и манипулирования, его рассматривают как источник социальной власти. Кроме того, все более очевидной становится взаимосвязь языка и общества: с одной стороны, язык испытывает влияние его носителей, с другой — язык оказывается важнейшим инструментом категоризации, и тем самым — понимания, политических феноменов.

В некотором смысле нейтральное использование языка в принципе невозможно. Отбор частей обсуждаемой ситуации, последовательность введения в текст тех или иных участников, экспликация отношения говорящего к передаваемой информации — все это и многое другое воздействует на понимание речевого сообщения адресатом. Даже если говорящий и старается выражаться объективно, он вынужден делать выбор на уровне альтернативных способов языкового описания одной и той же ситуации (ср. известный пример *Бутылка наполовину пуста vs. Бутылка наполовину полна*)². Этот выбор в любом случае влияет на понимание сообщения адресатом. Именно в этом и проявляется воздействующая функция языка. Каждый носитель языка в речевом сообщении осуществляет структурирование, воздействие и передачу своей точки зрения через языковые формы, которые он использует в речи. Аналогично, в ходе политической коммуникации эффект языкового воздействия сохраняется на до-

¹ Проблематика исследования языка как средства воздействия в ретроспективе обсуждается в Баранов А.Н., Борисова Е.Г., Кодзасов С.В., Паршин П.Б., Пирогова Ю.К., Репьев А.П. Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000, с. 114 и далее.

² Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М, 1987.

статочном уровне. Как следствие, политическая коммуникация, отраженная в текстах СМИ, оказывает огромное влияние на общественное сознание и на формирование политических диспозиций граждан. Именно по этой причине политическая коммуникация и создаваемый ею политический дискурс требуют глубокого изучения.

В данной работе приведены примеры двух исследований, выполненных в рамках дискурсивного подхода. В первом обсуждается одна из важнейших проблем лингвистического мониторинга политического дискурса — выявление тематической структуры политического дискурса и исследование его динамики. Во втором — анализируется метафорика политической коммуникации.

Раздел 1. Тематический мониторинг политического дискурса за период с 01 января по 31 августа 2003 г.

Раздел 2. Анализ метафорики одной из актуальных тем политического дискурса за период с 01 января по 31 августа 2003 г.

Объединение этих двух исследований в одном контексте связано с тем, что в обоих случаях, наряду с другими методами анализа, используется лингвистическая методология изучения политического дискурса, позволяющая выявить некоторые особенности структуры общественного сознания и специфику мышления политических субъектов.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности и сложности тематического мониторинга политического дискурса

Анализ политической ситуации в целом ряде случаев предполагает выявление тем политического дискурса — как в динамическом, так и в статическом изменении. Сущность динамического исследования заключается в том, чтобы определять и фиксировать изменения тематики с течением времени, а статического — в определении темы или совокупности тем, обсуждающихся в определенный период времени одним или несколькими политическими субъектами. Под **тематикой политического дискурса** в таких случаях понимается смысловая направленность дискуссии, которая на языковом уровне отражается в наборе связанных по семантике слов и словосочетаний, в тезисах аргументативных актов и т.д.

Понятно, что, будучи чрезвычайно актуальными в сфере практической политологии, исследования тематики политического дискурса, с одной стороны, очень трудоемки, а с другой — с трудом поддаются объективизации. Изучение политического дискурса требует привлечения экспертного знания по изучаемой проблемной области (в данном случае — это сфера внутренней политики). Основная проблема состоит в том, что каждый эксперт может выделять в информационном потоке различные тематические блоки информации, интересующие его в определенный момент времени, что прямо согласуется с тезисом о неуниверсальности понимания текста, сформулированным в когнитивной науке. Понимание тесно связано с конкретными коммуникативными целями читателя, условиями коммуникации, знакомством с проблемной областью. Следовательно, сам подход к анализу дискурса, основанный только на экспертном знании, в любом случае не даст устойчивых и достаточно объективных результатов.

Задача тематического мониторинга политического дискурса разделяется на две основных подзадачи: определение **объекта мониторинга** и определение **методов мониторинга**. Объект мониторинга — политический дискурс. В современной прикладной лингвистике и политологии **политический дискурс** понимается как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих

участников и формирующих конкретную тематику политической коммуникации. Другими словами, политический дискурс конституируется, с одной стороны, совокупностью тем, становящихся предметом обсуждения, а с другой — принятыми языковыми способами обсуждения этих тем (дискурсивными практиками).

Тем самым в нашей работе, проводившейся в Фонде ИНДЕМ¹, **объектом исследования** была **тематическая структура политического дискурса**, выраженная в принятых дискурсивных практиках. Соответственно, объектом тематического мониторинга в рассматриваемом случае является политический дискурс как совокупность дискурсивных практик. Понятно, что политический дискурс имеет различные сферы бытования, или реализации. Для отработки нового метода исследования политического дискурса естественно выбрать такую сферу его бытования, которая позволяет относительно просто производить сбор данных и их фиксацию. В качестве таковой были выбраны тексты печатных и сетевых СМИ по внутривнутриполитической проблематике за период с 01 января по 31 августа 2003 г. Выбор временного отрезка был связан с парламентскими и президентскими выборами 2003-2004 гг., т. е. была поставлена задача исследования тематики политического дискурса и динамики его тем в предвыборный период.

Поставленная исследовательская задача является принципиально новой для изучения политического дискурса как в лингвистической, так и в политологической научной традиции. В политологии изучение политического дискурса либо ограничивалось анализом отдельных — хотя и очень важных — текстов (ср. выделение каузальных связей в традиции когнитивного картирования, статистические оценки «интегральной» сложности текста, «операционный код» и пр.)², либо сосредотачивалось на исследовании отдельного понятия на большом объеме текстового материала (контент-анализ). В сфере политической психологии имеются прецеденты исследования дискурса отдельных политиков³. Довольно популярны работы по анализу концептов и понятий,

¹ В проекте принимали участие А.Н. Баранов, И.А. Баранов, Т.А. Минина, О.В. Михайлова, Г.А. Сатаров, И.И. Шелуханова, Е.А. Шилова.

² См. подробнее Axelrod R. (ed.) Structure of decision. The cognitive maps of political elites. Princeton, N.J., 1976; Паршин П.Б. Идиополитический дискурс // Труды международного семинара Диалог96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996; Херадствейт Д., Нарвесен У., Психологические ограничения на принятие решения // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

³ Шестопап Е.Б., Новикова-Грундт М.В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Политические исследования, 1996. № 5.

используемых в политическом языке¹. Задача глобального мониторинга политического дискурса никогда ранее не ставилась, именно поэтому в настоящее время отсутствует адекватная методология исследования его тематики. В Разделе 1 данной работы предлагается решение этой исследовательской задачи.

Стандартный способ исследования содержания политических текстов – контент-анализ. Он с успехом мог бы использоваться и для определения тем в текстах, посвященных внутренней политике. Однако необходимость одновременного «отслеживания» множества тем и их сочетаний делают использование стандартного контент-анализа практически невозможным. Действительно, каким образом можно предсказать, какие темы окажутся необходимыми, существенными для описания политических текстов в конкретный момент времени и в моменты времени, формирующие некоторый временной промежуток?

Для решения этой проблемы и была разработана новая **методология мониторинга** тематики политического дискурса, основанная на корпусном подходе. Основные особенности этого метода таковы:

- широкое использование компьютерных методов обработки языковых данных;
- привлечение в качестве источника изучения репрезентативного корпуса текстов выбранной проблемной области;
- создание тезауруса проблемной области (сферы внутренней политики) и его применение для обработки корпуса текстов;
- совмещение контент-анализа с методами обработки данных, используемых в области информационного поиска – информационно-поисковым тезаурусом.

¹ См. Завершинский К.В. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Политические исследования, 2001, № 2; Казанцев А.А. Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба понятий // Политические исследования, 2001, № 5; Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни // Политические исследования, 1997, № 1.; Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Политические исследования, 2001, № 2; Сергеев В.М., Сергеев К.В. Некоторые подходы к анализу языка политики (на примере понятий «хаос», «лидер», «свобода») // Политические исследования, 2001, № 5; Черников М.В. Концепты «правда» и «истина» в русской культуре: проблема корреляции // Политические исследования, 2001, № 5. Имеются и примеры лингвистически ориентированного анализа политических концептов. См., в частности, Баранов А.Н. Свобода справедливости или справедливость свободы? // Знание-сила, 1991, №5; Baranov A.N. Justice, Equality and Freedom: The Structure of Value Concepts. // P.A. Chilton, M.V. Ilyin, J.L. Mey (eds.) Political Discourse in Transition in Europe 1989-1991, Amsterdam. Philadelphia, 1998. p. 131-145.

Исключительно важно, что проект компьютерной системы тематического мониторинга политического дискурса в какой-то мере решает проблему объективизации результата исследования, поскольку использование тезауруса, образованного множеством структурированных семантических дескрипторов, не зависит от актуального состояния когнитивной системы эксперта. Программа обрабатывает корпус по тому множеству дескрипторов, которые представлены в тезаурусе. Разумеется, исследователь в принципе в состоянии влиять на процесс обработки, отбирая те дескрипторы, которые представляют интерес для данного конкретного этапа анализа.

В разделе I будут последовательно изложены особенности структуры созданной системы, описаны специфические черты организации корпуса текстов, информационно-поискового тезауруса проблемной области и программы обработки данных, а также некоторые предварительные результаты использования системы тематического мониторинга и перспективы применения систем такого рода в сфере практической политологии и политической лингвистики.

Анализ метафорики в осмыслении взаимоотношений власти и большого бизнеса

В процессе коммуникации нейтральное использование языка невозможно. Используемые речевые практики структурируют и обуславливают представление и восприятие адресатом передаваемого сообщения. Для достижения большего эффекта воздействия, как правило, используются различные языковые средства. Использование политических метафор особенно интересно с той точки зрения, что метафора, будучи не только принадлежностью языка, но и феноменом мышления, позволяет выявить способы осмысления политической ситуации, характерные для данного дискурса и для данных политических субъектов.

Применение анализа метафор при изучении дискурса позволяет описать способы отображения и, соответственно, осмысления этой проблемной области в СМИ, понять общую коммуникативную направленность дискурса и, прежде всего, намерения участников политической ситуации. Кроме того, появляется возможность составить представление о том, как различные СМИ влия-

ют на восприятие и интерпретацию тех или иных политических событий и их участников. Эта проблематика хорошо отражена в известной книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем»¹.

Таким образом, тематическая структуризация дискурса дает представление, **о чем говорят и пишут**, а на основе результатов анализа метафорики можно делать выводы о том, **как говорят и пишут** о тех или иных событиях и явлениях изучаемой проблемной области, а также о том, **как осмысляются, воспринимаются** эти события.

В данной работе **объектом анализа** метафорики дискурса стала одна из наиболее актуальных и интенсивно обсуждаемых тем современного российского политического дискурса — «Большой бизнес и власть» в период с 01 января по 31 августа 2003 г. Выбранный **метод** — лингво-статистический анализ метафорики текстов.

¹ Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago etc.: The University of Chicago Press, 1987. См. перевод отдельных глав этой работы в книге «Язык и моделирование социального взаимодействия». М., 1987.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: КОРПУСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Предлагаемая методология тематического мониторинга политического дискурса основывается на использовании корпусно-ориентированного подхода, который предусматривает:

- формирование репрезентативного корпуса текстов соответствующей проблемной области;
- разработку информационно-поискового тезауруса предметной сферы;
- создание программного пакета обработки текстовых данных.

1.1. Корпус текстов: сбор материала и результирующая структура

Корпус текстов был сформирован на базе выборки из 15 федеральных, 11 региональных и 2 сетевых ежедневных и еженедельных общественно-политических изданий за период с 01 января по 31 августа 2003 г.

Единицей хранения корпуса является газетная статья, описанная по следующим параметрам: источник, дата выхода, название, автор, жанр и количество словоупотреблений. Отбор статей осуществлялся на базе экспертной оценки по следующим критериям:

- тематика статьи должна касаться исключительно внутривнутриполитической жизни современной России, т.е. материалы, относящиеся к международной политической жизни, в корпус текстов не вводились;
- учитывались аналитические материалы журналистов, пишущих на внутривнутриполитические темы, выступления, комментарии, интервью лидеров политических партий, руководителей фракций и комитетов в Государственной Думе, отдельных депутатов, сенаторов, чиновников федерального уровня, представителей региональных властей (губернаторов, мэров, глав администраций), а также политологов;

- важным ориентиром для отбора текстов были тематические рубрики «Политика», «Общество», «Экономика», а также статьи на первых полосах периодических изданий;
- из корпуса исключались статьи скандального содержания, светская хроника, культура, спорт, развлечения и т.п.; в корпус не вошли также материалы рубрики «Новости», описывающие то или иное действие или событие без аналитического комментария.

В целом предпочтение отдавалось материалам, содержащим дискуссию по какой-либо общественно-политической теме или же ее анализ, оценочное суждение, точку зрения по обсуждаемой проблеме.

Основным ориентиром для отбора статейных материалов была гипотеза относительно набора тем, описывающих текущий политический дискурс. На основе экспертной оценки был сформирован список из 60 тем общественно-политического характера, который лег впоследствии в основу информационно-поискового тезауруса (см. п. 1.2 настоящего раздела). В самом общем виде можно сказать, что этот список представляет собой набор тех проблем, которые обсуждаются в сфере публичной политики и решение которых находится в ведении государства и его институтов, например, «Административная реформа», «Проблемы армии», «Реформа жилищно-коммунального хозяйства» и пр. Этот список тем не был закрытым и корректировался в сторону расширения по ходу отбора текстов для корпуса. Если эксперт выявлял проблему, которая соответствовала указанным выше критериям, но не была представлена в списке имеющихся тем, то соответствующая тема вводилась в тезаурус. Так, например, темы «Реформирование системы обязательного медицинского страхования» и «Реформа газовой отрасли» были добавлены в процессе сбора данных.

В окончательном виде собранный корпус политических текстов составил 3762 статьи, включающих 3.540.384 словоупотребления.

Отбор материала в корпус текстов напрямую зависит от поставленных целей. Как уже было сказано ранее, в рамках данной работы исследовательская задача состояла в изучении изменения тематики политического дискурса в преддверии федеральных парламентских и президентских выборов 2003-2004 гг. Для формирования выборки текстов использовались материалы общественно-по-

литических изданий в период с 01 января по 31 августа 2003 г. Учитывались как федеральные, так и региональные и сетевые издания. В результирующей выборке они представлены в следующей пропорции – см. табл. 1.

Таблица 1

Соотношение типов СМИ в корпусе

статус издания	доля в выборке
федеральные	54%
региональные	39%
сетевые	7%

Среди федеральных изданий в общей выборке представлены наиболее авторитетные ежедневные и еженедельные средства массовой информации разной политической направленности, постоянно пишущие о политических событиях: «Аргументы и факты», «Время МН», «Газета», «Еженедельный журнал», «Завтра», «Известия», «Итоги», «Коммерсант», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Профиль», «Российская газета», «Советская Россия».

Для отбора региональной прессы все регионы РФ были объединены в семь групп по федеральным округам. В рамках каждой группы выбирался самый политически активный регион с ярко выраженным «политическим лицом», с укоренившимися традициями активного обсуждения общественно-политических проблем в СМИ. Помимо этого принимались во внимание данные электоральной статистики за 1999-2000 гг. Внутри региона выбирались одно-два издания исходя из критериев тиражности и доступности архивных материалов за интересующий период. В итоге были отобраны следующие регионы: г. Санкт-Петербург (Северо-Западный федеральный округ), Свердловская область (Уральский федеральный округ), Нижегородская область (Приволжский федеральный округ), Приморский край (Дальневосточный федеральный округ), Краснодарский край (Северо-Кавказский федеральный округ), Красноярский край (Сибирский федеральный округ), Воронежская область (Центральный федеральный округ), Калининградская область (анклав). По указанным критериям в выборку вошли следующие издания: «Воронежские вести», «Деловой квартал», «Ежедневные новости», «Калининградская правда», «Краевые но-

вости», «Красноярский рабочий», «Нижегородские новости», «Новороссийский рабочий», «Санкт-Петербургские ведомости», «Смена».

Для обеспечения представительности в выборку также попали два сетевых ресурса: сайт радиостанции «Эхо Москвы» (www.echo.msk.ru) и Интернет-издание «Политком» (www.politcom.ru). Разумеется, нельзя считать, что сетевые ресурсы представлены репрезентативно, однако, как дополнение уже выбранных федеральных и региональных печатных изданий, такое увеличение количества источников вполне правомерно. Кроме того, на современном этапе политические дискуссии по актуальным политическим темам все больше перемещаются именно в сетевые издания.

В процессе формирования корпуса велась статистика по объему текстовых данных, поступающих за каждую неделю изучаемого периода по каждому изданию. Такая информация позволяет определить: во-первых, динамику появления общественно-политической информации в каждом отдельном издании; во-вторых, когда объем политической информации достигал максимальных и минимальных значений; и, в-третьих, динамику по всем изданиям за указанный период. Статистика по объему отбирившихся текстов отражена на рис. 1.

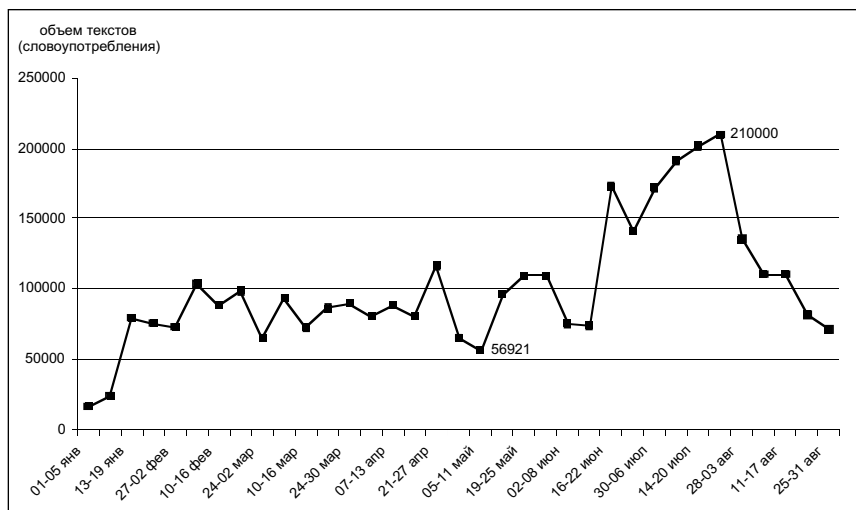

Рис. 1. Информационная динамика по всем СМИ за период с 01 января по 31 августа 2003 г. по общему числу словоупотреблений

Из рис. 1 следует, что максимальный объем информации по общественно-политической проблематике поступил в корпус текстов на 30-й неделе (21-27 июля). В этот временной период было введено в корпус 210.000 словоупотреблений (в среднем 205 статей). Такая ситуация объясняется двумя факторами. Во-первых, именно на этот период пришлось обострение ряда общественно-политических проблем (олигархи и власть, терроризм, «оборотни» в погонах), что неизбежно привело к росту числа соответствующих публикаций в СМИ. Во-вторых, перед летним политическим затишьем представители различных политических сил стремятся напоследок высказаться по особо острым общественным проблемам. Минимальное количество данных было отобрано на 19-ой неделе (05-11 мая), что обусловлено затяжными майскими праздниками. После этого «провала» начинается постепенный подъем, а интервал между 25 и 30 неделями (середина июня — конец июля) является самым насыщенным и интенсивным. Резкий спад после 30-ой недели — традиционное для российской политической жизни летнее затишье.

Соотношение центральных, региональных и сетевых СМИ по количеству статей в корпусе представлено в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение типов СМИ в корпусе по количеству статей

статус СМИ	доля в выборке
федеральные	76%
региональные	10%
сетевые	14%

Сравнение табл. 1 и 2 демонстрирует неравномерность распределения информации по общественно-политической проблематике в федеральных, региональных и сетевых СМИ. Региональные СМИ, несмотря на то, что они составляют 39% выборки, представлены в корпусе лишь 10%-ми от общего количества статей корпуса. В целом такая ситуация не является неожиданной или нестандартной. Региональные издания в большей степени ориентированы на обсуждение проблем местного значения, они значительно меньше по объему, чем федеральные. Существенно и то, что многие федеральные издания распространяются в регионах. Иными словами, федеральные и региональные

СМИ до некоторой степени тематически дополняют друг друга: общеполитические темы федеральных изданий, если и повторяются в региональных, то в минимальной степени. С другой стороны, региональная тематика лишь фрагментарно воспроизводится в федеральных изданиях.

Интересно, что сетевые издания, наоборот, оказались более информационно наполненными с точки зрения общественно-политической тематики: составляя лишь 7% в выборке, в корпусе текстов они занимают 14% от общего числа статей.

Наполнение корпуса по отдельным изданиям представлено на приведенных ниже рисунках — см. рис. 2 и 3.

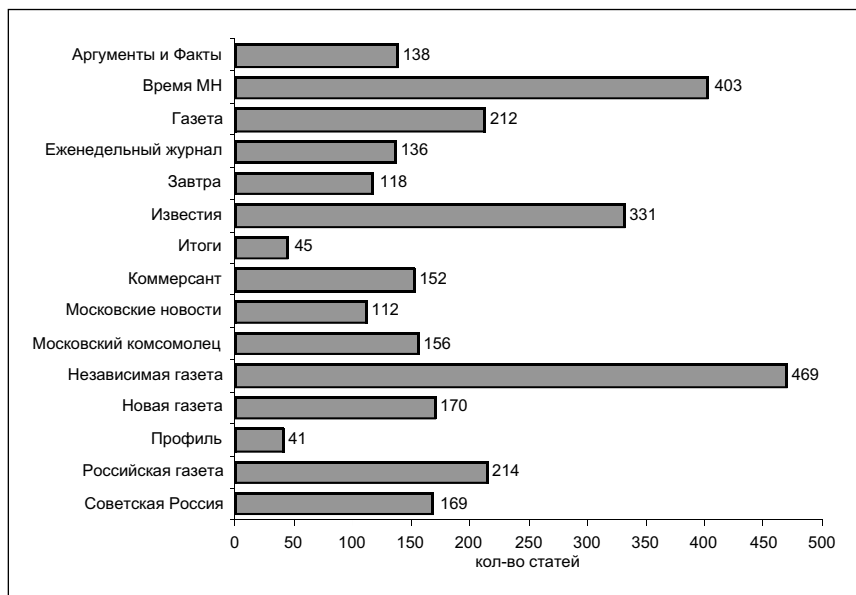

Рис. 2. Федеральные издания в корпусе текстов за период с 01 января по 31 августа 2003 г. по количеству статей

Наибольшее количество статей приходится на ежедневные издания («Независимая газета», «Время МН», «Известия»). Среди еженедельных СМИ с большим отрывом лидирует «Еженедельный журнал». Высокая степень активности отличает традиционно «левые» издания — газеты «Завтра» и «Советская Россия».

Не однородны по активности обсуждения внутривполитических проблем и региональные издания — см. рис. 3.

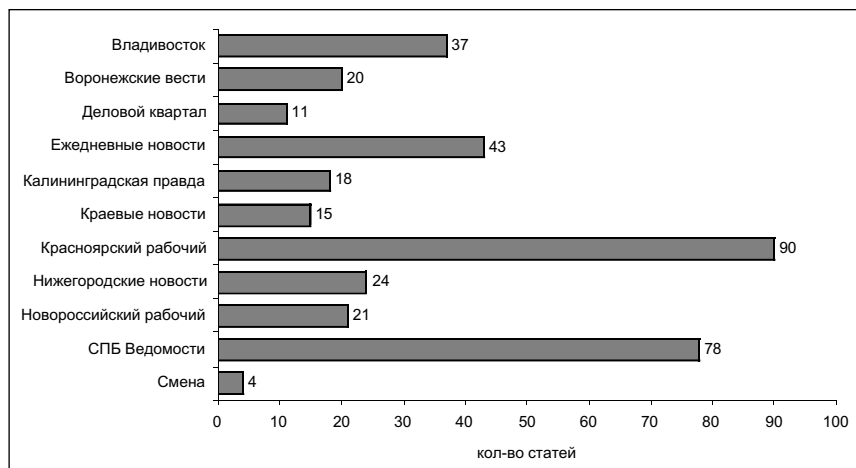

Рис. 3. Региональные издания в корпусе текстов за период с 01 января по 31 августа 2003 г. по количеству статей

Как видно из рис. 3, наиболее политически активными оказались издания «Красноярский рабочий» и «Санкт-Петербургские ведомости». Однако было бы не вполне корректно обобщать эту информацию до целого региона, так как выборка региональных СМИ в большой степени зависела от доступности того или иного издания в сети Интернет и наличия электронного архива публикаций.

1.2. Информационно-поисковый тезаурус системы тематического мониторинга

Как уже отмечалось выше, традиционный контент-анализ дает возможность изучить динамику лишь нескольких концептуальных переменных (в данном случае — тем) на соответствующем массиве текстов. Однако глобальный тематический анализ дискурса с использованием контент-анализа невозможен как по техническим причинам (слишком много возможных концептуальных переменных), так и по содержательным основаниям. Даже хорошо подготовленный исследователь-эксперт не в состоянии одновременно «отслеживать» в тексте столько тем, сколько позволяет его оперативная память.

Следовательно, необходимо привлекать экспертные знания для создания формальной модели проблемной области, которая будет служить ориентиром в процессе сбора данных. Одной из таких моделей может служить **тезаурус** — определенным образом организованная совокупность слов-терминов, описывающих проблемную область. Наиболее продуктивный способ составления тезауруса предполагает, с одной стороны, экспликацию априорных знаний эксперта о проблемной области и модификацию этих знаний в процессе сбора реального текстового материала — с другой. Именно такая методика составления тезауруса использовалась в описываемом проекте.

Тезаурус был сформирован на базе выдвинутой гипотезы относительно набора тем, описывающих политический дискурс (см. п. 1.1, Раздел 1). В терминах контент-анализа — это были основные концептуальные переменные. Далее, каждой теме сопоставлялся набор дескрипторов, описывающих соответствующую проблемную область. Совокупность дескрипторов проблемной области в соответствии с общепринятой терминологией получила название **таксона**.

Дескрипторы представляют собой множество нормализованных словоформ русского языка, упоминание которых в тексте указывает на обсуждение соответствующей темы. Если переходить на язык контент-аналитических методик, то дескрипторы являются репрезентантами концептуальной переменной (темы) в конкретных текстах.

Стоит отметить, что список исходных тем политического дискурса и соответствующих им дескрипторов постоянно уточнялся как по мере сбора материала, так и по результатам обработки данных. Прежде чем делать достоверные содержательные выводы на основе собранного материала, необходимо было оценить его качество. Эта процедура оказалась полезной, поскольку в результате в тезаурус был внесен ряд изменений, имеющих большое значение для интерпретации результатов исследования. Так, при проверке корпуса на **пертинентность**¹ был выявлен следующий существенный недостаток: мы не смогли подобрать соответствующий набор дескрипторов для описания темы «Наркомания» как социальной проблемы. Все без исключения дескрипторы относили эту тему к сфере преступности, поэтому подтаксон «Наркомания» из таксона «Социальные проблемы общества» был перенесен в таксон «Преступность».

¹ **Пертинентность** — степень соответствия информационного запроса реальной информационной потребности пользователя (подробнее см. А.Н. Баранов. Введение в прикладную лингвистику. М, 2001, с. 198).

При отборе дескрипторов обращалось внимание, во-первых, на их многозначность, и предпочтение отдавалось тем языковым формам, которые, по крайней мере, в данном подязыке (подязыке публичной политики) не порождают существенной многозначности, влияющей на параметры точности поиска. Так, потенциальный дескриптор «власть» для темы «Функционирование исполнительной власти» не может быть использован в тезаурусе, так как он характерен не только для сферы публичной политики, но и для других социальных сфер. В то время как дескриптор «административная реформа» с наибольшей долей вероятности используется именно в политических текстах и однозначно описывает эту тему.

Во-вторых, при составлении тезауруса дескрипторы подбирались таким образом, чтобы проблемные области, которые они описывают, не пересекались. К примеру, дескриптор «управляющая компания» изначально был включен в проблемную область «Пенсионная реформа». Однако, при проверке **релевантности**¹ контекстов, удовлетворяющих данному запросу, было обнаружено, что часть из них относится к теме «Реформирование жилищно-коммунального хозяйства». Именно поэтому для достижения высокого качества поиска этот дескриптор был исключен из тезауруса. Таким образом, сформированный тезаурус представляет собой несколько упрощённую форму знаний экспертов о проблемной области, но в то же время адекватную для решения поставленной задачи.

Разработанный информационно-поисковый тезаурус включает в себя 28 проблемных областей, некоторые из которых содержат до двух подуровней, таким образом, общее число тем тезауруса равно 59.

1.3. Программа обработки данных SigmaFE

Сформированный корпус текстов представляет собой набор текстовых файлов. Для именования каждого издания, а также соответствующих файлов был разработан специальный метаязык. Файлы сохранялись следующим образом (например, статья из издания «Время МН»): `vmn_0625_03.txt`, где `vmn` — кодировка соответствующего издания, `0625` — месяц и число выхода данной

¹ Релевантность — степень соответствия документа запросу пользователя (подробнее см. А.Н. Баранов. Введение в прикладную лингвистику. М, 2001, с. 197).

статьи, 03 — порядковый номер статьи, взятой из одного выпуска соответствующего издания. Такой способ хранения и именования файлов позволяет обеспечить учет текущей информации по дням и по выпускам соответствующих изданий.

Имеющееся программное обеспечение корпуса и формат его хранения позволяют дополнять и изменять объем анализируемого текстового материала. В частности, пользователь может выделить из общего корпуса рабочий корпус, включающий лишь часть текстов генерального корпуса. Динамические корпуса не предполагают раз и навсегда заданного набора текстов. С течением времени может происходить пополнение и обновление массива информации, что статические корпуса, в отличие от динамических, не допускают¹. Таким образом, собранный корпус является динамическим.

В выбранном способе хранения текстовой информации сами тексты и их описания представляют собой различные блоки системы. В блоке хранения тексты имеют обычный текстовый формат. Описания текстов хранятся отдельно. Для хранения описаний текстов используется файл СУБД MS Access². Формат базы данных позволяет описывать каждую статью, включенную в корпус, по следующим параметрам: название издания, номер выпуска, название статьи, дата выхода статьи, автор статьи, жанр, название соответствующего файла, количество словоупотреблений, путь к файлу (название папки, в которой он хранится). Использование такого формата позволяет решить три важные задачи: во-первых, параметризовать каждую статью; во-вторых, контролировать изменения, вносимые в базу данных; в-третьих, обеспечивать контроль полноты и репрезентативности полученной выборки. Кроме того, формат базы данных Access дает наглядное представление о структуре корпуса текстов.

Для обработки корпуса был разработан программный пакет SigmaFE³, который позволяет не только исследовать частоту тех или иных тем политического дискурса, но и проследить изменение его тематической структуры. Следует отметить, что в настоящее время нет стандартного программного пакета для обработки текстовой информации, удовлетворяющего нужды как лингвистов, так

¹ Статические корпуса текстов отражают определенное временное состояние языковой системы.

² Структура файла СУБД MS Access разработана Т.А. Мининой.

³ Программный пакет написан И.А. Барановым.

и политологов. Поэтому созданный программный пакет такого рода можно считать одним из первых в сфере исследования тематики политического дискурса. На рис. 4 представлена схема обработки текстовых данных программным пакетом SigmaFE.

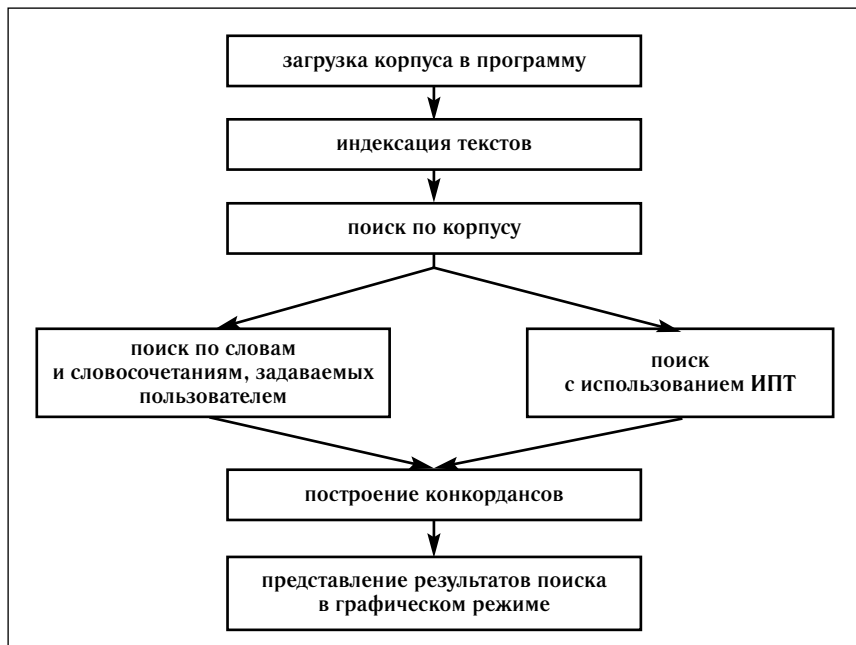

Рис. 4. Блок-схема обработки текстовых данных программным пакетом SigmaFE

Работа программы SigmaFE начинается с индексирования, которое производится по следующей схеме. Программа разбивает все найденные тексты на отдельные слова. Каждой словоформе присваивается индекс, который определяет ее положение в общем массиве документов. В результате создаётся реляционная таблица, в которой фиксируется каждая словоформа текста и ее индекс, состоящий из некоторого набора чисел: номер документа, номер предложения в документе. Таблица индексов словоформ хранится в файле index.idx. После загрузки индекса пользователь может осуществлять поиск по корпусу текстов.

Опции программы позволяют осуществлять два типа поиска – простой поиск и поиск с использованием тезауруса. При любом типе поиска SigmaFE выпол-

няет функцию построения **конкордансов**¹, в которых встречаются заданные дескрипторы. Длина конкорданса задается самим пользователем. Каждый конкорданс имеет ссылку на тот файл, откуда он был взят. Пользователь при необходимости может просмотреть все интересующие его файлы, не прерывая работу программы. В соответствии с принятыми стандартами программного обеспечения, простой поиск позволяет найти в корпусе примеры контекстов употребления слов и словосочетаний, которые задаются самим пользователем.

Для анализа общей динамики тем политического дискурса использовался поиск с поддержкой информационно-поискового тезауруса. Поиск с использованием тезауруса может осуществляться как по отдельным **таксонам** и **подтаксонам**², так и по нескольким таксонам одновременно, а также по отдельным дескрипторам. Поиск по всем темам (таксонам первого уровня) одновременно позволяет осуществлять мониторинг глобальной тематики политического дискурса. Для обеспечения точности и полноты поиска, а также для снижения информационного шума, была произведена **лемматизация**³ дескрипторов, используемых в тезаурусе.

Поиск любого типа может производиться по двум параметрам, которые задаются пользователем: программа позволяет осуществлять поиск всех документов, в которых выбранная тема упоминается хотя бы один раз, либо поиск всех вхождений дескрипторов выбранного таксона в тексты корпуса. В одном случае пользователь может выявить общее количество статей, в которых упоминается данная тема. В другом — программа позволяет найти общее количество вхождений всех дескрипторов (то есть соответствующих им словоформ и словосочетаний) в статьи, написанные по конкретной проблеме. Это даёт возможность пользователю делать выводы об интенсивности обсуждения выбранной общественно-политической темы за указанный период. Кроме того, соотношение между количеством вхождений и найденных документов показывает среднее количество дескрипторов по данной теме на одну статью и позволяет судить об интенсивности обсуждения данной темы.

¹ Конкорданс — пример употребления дескриптора в контексте фиксированной длины.

² Понятие таксона было введено ранее — это совокупность дескрипторов тезауруса, описывающая соответствующую проблемную область. Проблемная область имеет иерархическую структуру: в ней могут выделяться подтемы, которые также описываются с помощью своего набора дескрипторов. Набор дескрипторов соответствующей подтемы получил название подтаксон.

³ Лемматизация — процедура сведения словоформ одного слова к его исходному словарному виду.

Стандартный набор функций программы позволяет представить результаты поиска по корпусу в графическом виде. При этом пользователь сам может выбрать те издания, по которым требуется осуществить поиск, количество тем для анализа, а также устанавливать тот промежуток времени, в котором требуется проследить динамику обсуждения тех или иных общественно-политических тем. См. рис. 5, на котором можно проследить динамику обсуждения трех общественно-политических тем – «Административная реформа», «Коррупция», «Большой бизнес и власть».

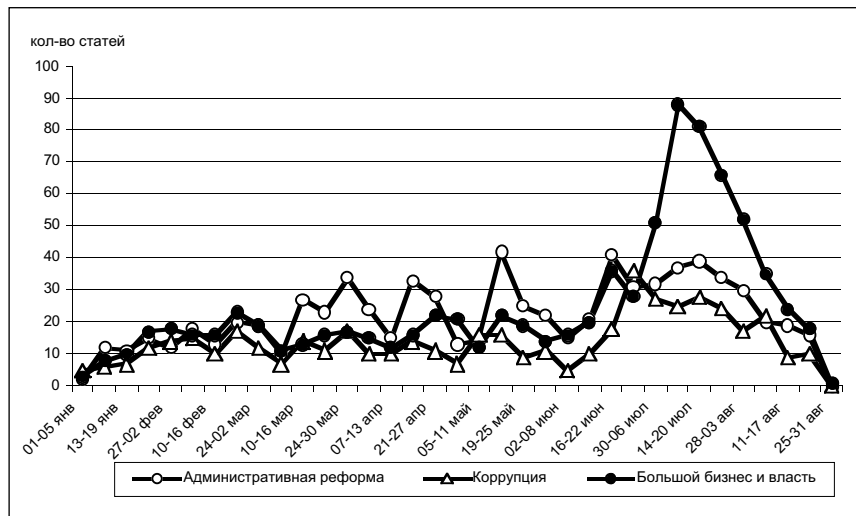

Рис. 5. Динамика появления тем «Административная реформа», «Коррупция» и «Большой бизнес и власть» в политическом дискурсе за период с 01 января по 31 августа 2003 г. по количеству статей

Программа SigmaFE хранит и позволяет просматривать **генеральный словарь**, включающий все словоупотребления корпуса текстов, упорядоченные по частоте. Самыми частотными в описываемом корпусе текстов стали следующие словоупотребления:

- «Россия» – 12013, «президент» – 7915,
- «правительство» – 7898, «власть» – 7808,
- «реформа» – 5708, «закон» – 5728,
- «партия» – 4295, «государство» – 4260,
- «деньги» – 4055, «бюджет» – 3981.

1.4. Возможности и результаты использования системы тематического мониторинга политического дискурса

Основным результатом обработки корпуса общественно-политических текстов с помощью программного продукта SigmaFE стало описание тематики политического дискурса за период с 01 января по 31 августа 2003 г., представленное на рис. 6¹.

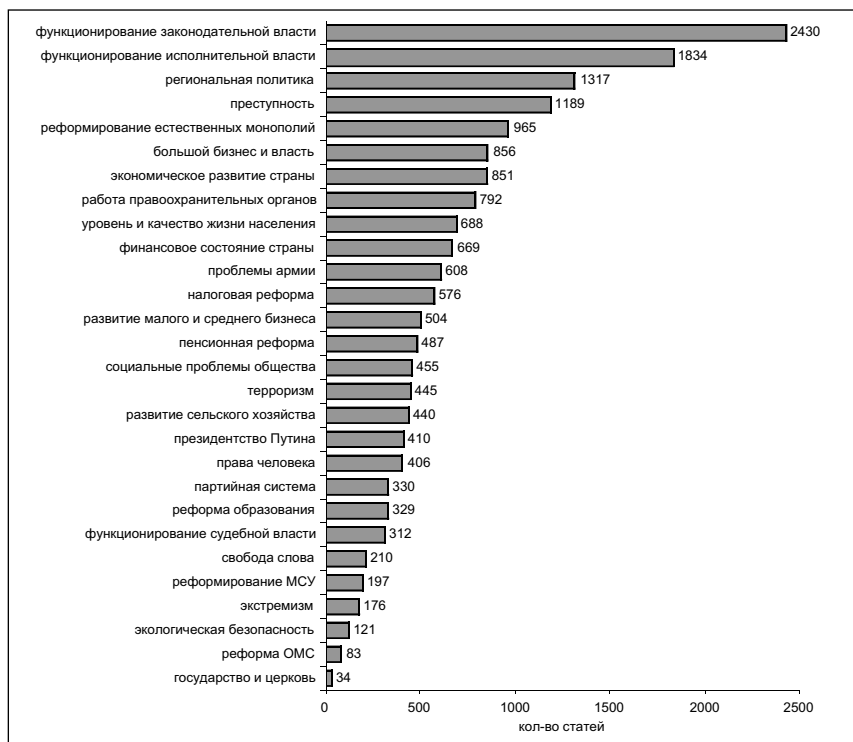

Рис. 6. Тематика политического дискурса за период с 01 января по 31 августа 2003 г. по количеству статей

На рис. 6 отражены результаты поиска по 28 главным темам, упорядоченным по убыванию. Числовое значение соответствует количеству документов, в которых каждая из тем зафиксирована хотя бы один раз. Интересно, что уже простое со-

¹ Здесь и далее для наглядности будут представлены результаты только по 28 главным темам.

поставление количества статей по различным темам позволяет прийти к нетривиальным выводам и выдвинуть гипотезы для дальнейших исследований. В частности, обращает на себя внимание то, что тема «Функционирование законодательной власти» обсуждается почти в пять раз чаще, чем судебной. Крайне скучно обсуждаются темы свободы слова, несмотря на очевидное ограничение последней, и взаимоотношений церкви и государства, несмотря на стремительный отход страны от конституционного принципа светского государства.

Для получения более объективной информации о степени интереса СМИ и политиков к тем или иным общественно-политическим проблемам современного российского общества представляется целесообразным ввести для анализа такой параметр как **интенсивность обсуждения темы**¹ — см. рис. 7.

На рис. 7 наглядно представлена степень интереса журналистов и политиков к обсуждению отдельных тем. При сравнении рис. 6 и 7 мы видим, что несмотря на высокую частотность появления темы в дискурсе, она может иметь относительно низкую интенсивность обсуждения, и наоборот, при редком упоминании темы она может всегда становиться предметом активной дискуссии (например, тема «Государство и церковь», с одной стороны, и «Работа правоохранительных органов», с другой). Иными словами, делать выводы относительно степени обсуждаемости той или иной темы в дискурсе на основе **только частотности** ее появления было бы не вполне корректно, и рис. 6 и 7 показывают, что однозначной зависимости между частотой и интенсивностью обсуждения темы не обнаруживается.

Так, на рис. 7 прослеживается несколько интересных тенденций, подтверждающих данный тезис. Во-первых, из пяти самых частотных тем только три — «Функционирование законодательной власти»², «Региональная политика»³ и «Реформиро-

¹ Интенсивность обсуждения темы — среднее количество дескрипторов, описывающих ту или иную тему, в одной статье. На основании этого параметра можно судить о том, насколько та или иная тема интересна для обсуждения, возможно, она просто упоминается коммуникаторами или же становится предметом полноценной дискуссии.

² Тема «Функционирование законодательной власти» охватывает следующий круг вопросов: работа обеих палат парламента, законотворческий процесс, качество существующей правовой базы, обсуждение законотворческих инициатив и проектов, проблема правоприменения и соблюдения законопорядка.

³ Тема «Региональная политика» включает в себя ряд вопросов, касающихся современного экономического состояния российских регионов, взаимоотношений федерального центра и региональной элиты. Кроме того, в ходе данной темы обсуждаются проблемы сепаратизма и военный конфликта в Чечне.

вание естественных монополий»¹ — лидируют и по частоте упоминания, и по интенсивности обсуждения. Следовательно, прежде всего эти три темы в рассматриваемый период времени являются предметом активной политической дискуссии и практически никогда не остаются без внимания журналистов и политиков.

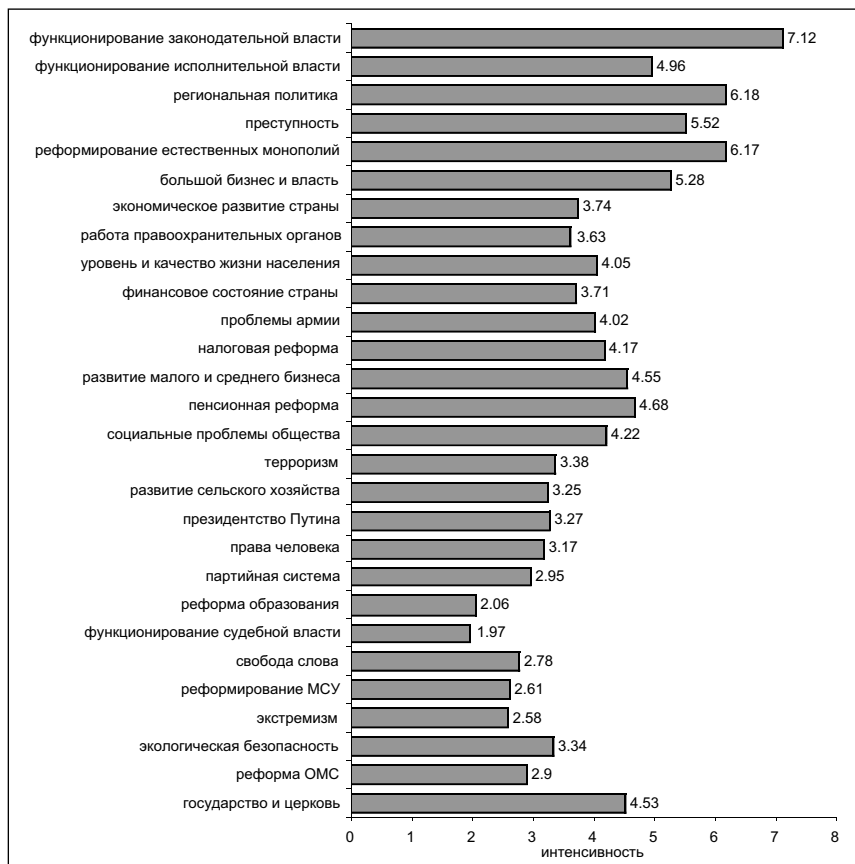

Рис. 7. Интенсивность дискуссии по основным общественно-политическим темам политического дискурса за период с 01 января по 31 августа 2003 г. (упорядочен по рис. 6)

¹ Тема «Реформирование естественных монополий» посвящена в целом обсуждению вопроса о реструктуризации существующих естественных монополий, а именно: текущему состоянию жилищно-коммунального сектора и необходимости его реформирования, проблеме экономического состояния и эффективности работы электроэнергетики, приватизации имущества железнодорожного транспорта и изменении системы тарифов на услуги МПС, государственной поддержке и частичной приватизации газовой отрасли.

Во-вторых, симптоматично, что сугубо социальные проблемы или же проблемы, особенно сильно волнующие общество, при высокой частоте появления в дискурсе не получают должного внимания прессы. Такая ситуация сложилась, например, с темами «Социальные проблемы общества»¹, «Качество и уровень жизни населения»², «Экономическое развитие страны»³, «Работа правоохранительных органов»⁴. Они обсуждаются очень слабо: в текстах обнаруживаются лишь упоминания о существовании таких проблем в ряду массы других. При этом обществом признается необходимость государственного вмешательства в решение проблем такого рода. Одновременно видно, что тема «Функционирование судебной власти» является аутсайдером по интенсивности. Журналисты и политики чаще упоминают эту ветвь власти, но полноценного обсуждения она удостоивается реже всех.

В то же время темы, составляющие политическую повестку дня⁵ и представляющие интерес государства и отдельных его институтов, достаточно обстоятельно дискутируются, хотя упоминаются в прессе существенно реже, чем социальные. В основном это темы, связанные с реформами, большинство из которых не всегда встречают понимание и поддержку населения: «Пенсионная реформа»⁶, «Налоговая реформа»⁷, «Реформа образования»⁸, «Проблемы

¹ Тема «Социальные проблемы общества» — это обсуждение таких насущных проблем, как беспризорность и детская преступность, положение социально незащищенных слоев населения, алкоголизм, проституция, а также вопросы молодежной политики.

² Тема «Качество и уровень жизни населения» акцентирует внимание на проблемах бедности, безработицы, уровня оплаты труда бюджетников и прожиточного минимума, доступа населения к услугам образования и медобслуживания.

³ Тема «Экономическое развитие страны» посвящена текущему состоянию производственных отраслей, темпам и качеству экономического роста, промышленной политике государства.

⁴ Тема «Работа правоохранительных органов» охватывает такие вопросы, как работа прокуратуры, деятельность МВД, ФСБ, проблема безнаказанности преступников и предотвращения преступлений.

⁵ Политическая повестка дня — список общественно-политических проблем, которые инициируются государственными чиновниками, политическими партиями и различными общественными движениями и для решения которых требуется вмешательство государства.

⁶ Тема «Пенсионная реформа» посвящена созданию трехуровневой пенсионной системы. В ходе пенсионной реформы планируются следующие нововведения: обеспечение гарантированной государственной базовой пенсии, индексация базовой пенсии в зависимости от трудового стажа конкретного человека, создание системы негосударственных пенсионных фондов и разработка программы негосударственного пенсионного страхования.

⁷ Тема «Налоговая реформа» охватывает круг вопросов об изменении налогового законодательства.

⁸ В рамках темы «Реформа образования» обсуждаются вопросы о введении единого государственного экзамена, введении системы государственных именных финансовых обязательств (материальная поддержка учащихся), повышении престижа отечественного образования.

армии».¹ Интенсивно обсуждаются также темы «Развитие сельского хозяйства»² и «Государство и церковь».³ В случае с указанными реформами, в СМИ обсуждаются, как правило, уже готовые решения существующих проблем, подготовленные чиновниками, нежели возможные их варианты.

На рис. 7 обращает на себя внимание тема «Президентство Путина»⁴. Ее особенность в том, что, с одной стороны, она относительно часто появляется в дискурсе, с другой — интенсивность обсуждения крайне низка. Однако это не означает, что данная тема находится вне сферы интересов журналистов и политиков. Скорее, это более широкая и общая тема по отношению ко всем остальным. Ее можно рассматривать как фоновое событие для дискуссии вокруг всех остальных тем, представленных в дискурсе, поэтому в данном случае показатель частоты появления гораздо содержательнее, чем показатель интенсивности.

Ранее уже говорилось о том, что некоторые темы дискурса, представленные на рис. 6, имеют тематические подуровни, что неизбежно влияет как на частоту появления темы, так и на интенсивность ее обсуждения. К примеру, тема «Функционирование законодательной власти» — это, прежде всего, частое и интенсивное обсуждение работы Федерального собрания, состояния правовой системы страны и качества законодательной базы. В рамках темы «Функционирование исполнительной власти»⁵ чаще всего дискутируется работа

¹ Тема «Проблемы армии» охватывает ряд вопросов, касающихся состояния военно-промышленного комплекса, национальной безопасности и обороноспособности страны. Кроме того, в рамках данной темы обсуждается вопрос о реформе армии (перевод армии на контрактную основу, повышение технического оснащения и профессионализма армии, создание объединенных систем тылового и кадрового обеспечения, изменение системы финансирования армии и усиление контроля над использованием бюджетных средств).

² Тема «Развития сельского хозяйства» посвящена обсуждению современного состояния агропромышленного комплекса, продовольственной безопасности и проблемам села. Кроме того, в рамках данной темы затрагивается вопрос о земельной реформе, в ходе которой должен быть принят Земельный кодекс и новые правила земельного оборота.

³ Тема «Государство и церковь» включает в себя вопросы имущественных отношений государства и русской православной церкви, а также дискуссии о попытках введения в общеобразовательных школах религиозного воспитания.

⁴ Тема «Президентство Путина» сводится к оценке деятельности В.В. Путина на посту президента РФ. Кроме того, в рамках данной темы обсуждаются основные направления его внутренней политики и их влияние на современную политическую ситуацию в стране.

⁵ Тема «Функционирование исполнительной власти» объединяет в себе дискуссию относительно работы действующего правительства М. Касьянова, а также одного из ключевых направлений деятельности Правительства и Министерства экономического развития и торговли — административной реформе, которая сводится к сокращению дублирующих и избыточных функций правительства и министерств, сокращению аппарата и повышению профессиональной подготовки чиновников.

Правительства и административная реформа, причем последняя наиболее интенсивно. Основной вклад в тему «Региональная политика» вносят проблема взаимоотношений федерального центра и региональной власти и, конечно, военный конфликт в Чечне. Причем проблема Чечни обсуждается с максимальной интенсивностью (она составляет 10,17) по сравнению со всеми темами дискурса. Экономические преступления и коррупция как разновидности преступлений лидируют в рамках темы «Преступность»¹. «Реформирование естественных монополий» представлено, прежде всего, реформой жилищно-коммунального хозяйства и реформой электроэнергетики, причем с высоким уровнем интенсивности обсуждения.

Интересно также проследить, каковы частота и интенсивность обсуждения рассматриваемых тем политического дискурса на разных временных интервалах. Мы разбили весь период на три временных отрезка (зима, весна, лето) и посмотрели на динамику изменения частоты и интенсивности обсуждения общественно-политической проблематики. Распределение частотности появления тем в дискурсе в целом одинаково и соответствует общей структуре дискурса, представленной на рис. 6, за исключением тем, которые становились сверхактуальными в связи с сезонностью или громкими политическими событиями, что, соответственно, усиливало интенсивность их обсуждения. Например, в зимний период для населения особенно острой становится проблема отопления и водоснабжения, что неизбежно привлекает внимание СМИ не только к теме состояния жилищно-коммунального хозяйства и качества энергоснабжения, но и необходимости реформировать существующие естественные монополии. Так, интенсивность обсуждения темы «Реформирование естественных монополий» достигает абсолютного максимума (9,34) именно в зимний период. Далее, проблема терроризма актуализируется в летний период, что связано, прежде всего, с серией террористических актов, произошедших в стране. Количество статей по проблеме терроризма в летний период вдвое превышает количество статей по данной теме в другие периоды. Причем интенсивность обсуждения этой темы летом наивысшая (7,37) по сравнению со всеми темами дискурса.

¹ Тема «Преступность» связана с обсуждением общего уровня преступности в стране. В рамках данной темы обсуждаются также отдельные виды преступности, а именно: организованная преступность, распространение и незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, экономические преступления, политические и заказные убийства, а также коррупция.

Среди политически значимых событий изучаемого периода (01 января – 31 августа 2003 г.) выделяется тема «Большой бизнес и власть». В течение всего периода тема обсуждалась достаточно активно, однако наиболее заметный всплеск обсуждения наблюдается именно в летний период, что связано с началом дела НК «ЮКОС». Обращает на себя внимание тот факт, что интенсивность обсуждения данной темы в летний период в три раза превышает интенсивность зимнего и весеннего периодов и занимает второе место по интенсивности обсуждения после проблемы терроризма (6,94).

Отдельно нужно отметить, что количество статей по всем темам политического дискурса планомерно возрастает от января к августу, и именно в летний период количество статей по каждой из тем достигает своего максимума (даже такая непопулярная тема как «Государство и церковь» зимой затрагивается в 12 статьях, весной – в 18, а летом – в 19). Ни одна тема из тезауруса ни разу полностью не выпала из поля политической дискуссии.

Ранее уже говорилось о том, что в дискурсе присутствует ряд тем, частота упоминания которых достаточно высокая, а интенсивность обсуждения при этом сохраняется на низком уровне – это «Экономическое развитие страны», «Работа правоохранительных органов», «Уровень и качество жизни населения», «Социальные проблемы общества». При анализе интенсивности обсуждения перечисленных тем по трем периодам выяснилось, что данная тенденция сохраняется: на каждом из периодов именно эти темы обсуждаются с наименьшей интенсивностью при достаточно высокой частоте появления их в дискурсе. Ни разу за весь период ни одна из этих тем не стала предметом значимого обсуждения.

1.5. Тематика политического дискурса на различных исследовательских срезах

Одна из ключевых проблем анализа политического дискурса как части поля политики состоит в определении меры его «объективности», отчужденности от индивидуальных пристрастий, диспозиций, ангажированности отдельных агентов, производящих политический дискурс. С этой целью полезно различать два взаимосвязанных аспекта политического дискурса – **тематический и диспозиционный**.

Тематический аспект определяет набор тем и степень их актуальности в данном социуме в данный момент времени. Диспозиционный аспект задает спектр оценок, связанных с данными темами. Понятно, что два эти аспекта взаимосвязаны. Например, некоторая тема может стать частью политического дискурса, только если она порождает разнообразие диспозиций (это условие необходимое, но не достаточное). Но в то же время эти аспекты полезно различать. Диспозиционная компонента дискурса более динамична и во времени, и по структуре диспозиций. Например, рейтинг партии может колебаться от месяца к месяцу, отношение к этой партии будет отличать агентов друг от друга. Но независимо от этих колебаний отношение к этой партии в течение длительного времени будет оставаться политической темой, входящей в набор тем политического дискурса.

Таким образом, тематическая структура политического дискурса может рассматриваться как относительно объективное, устойчивое и универсальное его свойство. Это предположение может быть проверено с помощью собранных и описанных выше данных. Если тематическая структура именно такова, то она будет относительно стабильной при разных членениях (разных «исследовательских срезах») политического дискурса. Например, она должна сохранять от издания к изданию, или повторять свои существенные черты для разных групп изданий (см. рис. 8 и 9).

На рис. 8 представлен «срез» тематического репертуара политического дискурса только региональных изданий. Как видно, тематическая структура политического дискурса региональных СМИ за некоторым исключением воспроизводит общую картину, отображенную на рис. 6. Первая тройка тем остается неизменной («Функционирование законодательной власти», «Функционирование исполнительной власти», «Региональная политика»). Большую актуальность в регионах приобрели проблемы «Реформирования естественных монополий» и «Реформы местного самоуправления», а такие темы как «Большой бизнес и власть» и «Терроризм» наоборот оказались наименее интересными для региональных СМИ. В целом же тематическая структура осталась стабильной.

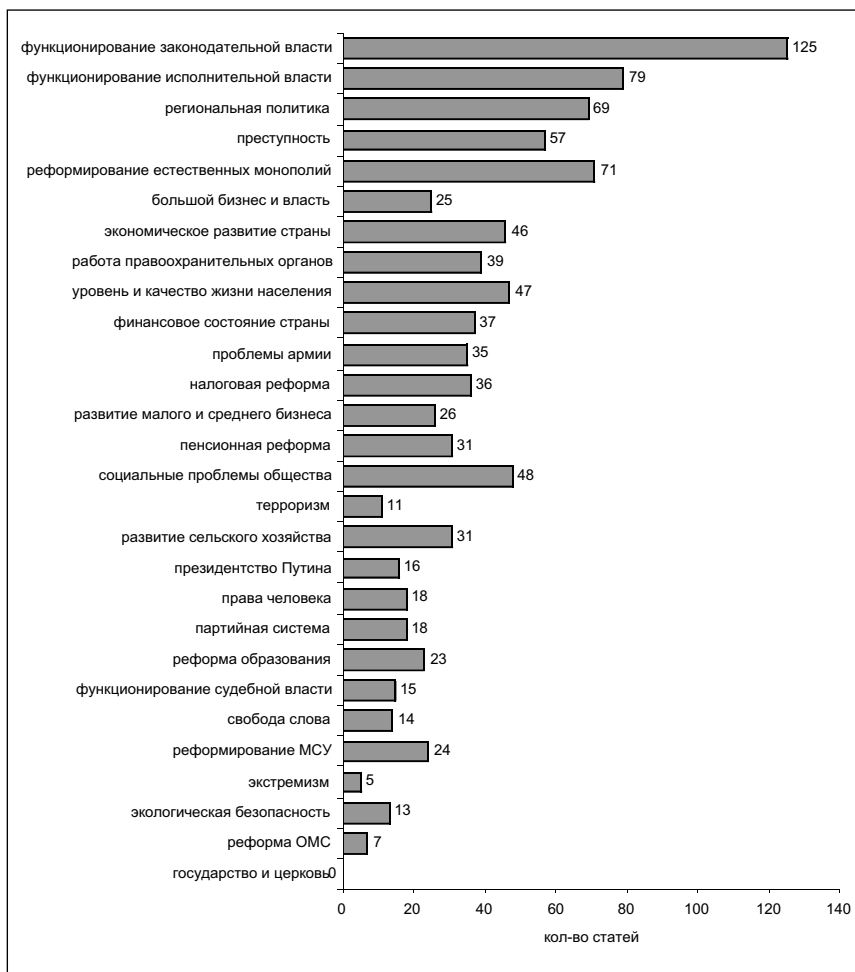

Рис. 8. Тематика политического дискурса региональных СМИ за период с 01 января по 31 августа 2003 г. по количеству статей (упорядочен по рис. 6)

Для большей доказательности приведем еще один пример. На рис. 9 представлена тематическая структура политического дискурса «Независимой газеты». Интересно, что в данном случае первая тройка тем соответствует как структуре всего дискурса, так и дискурсу региональных изданий. В качестве приоритетной выделяется тема «Экономическое развитие страны», а наименее освещаемых — «Социальные проблемы общества».

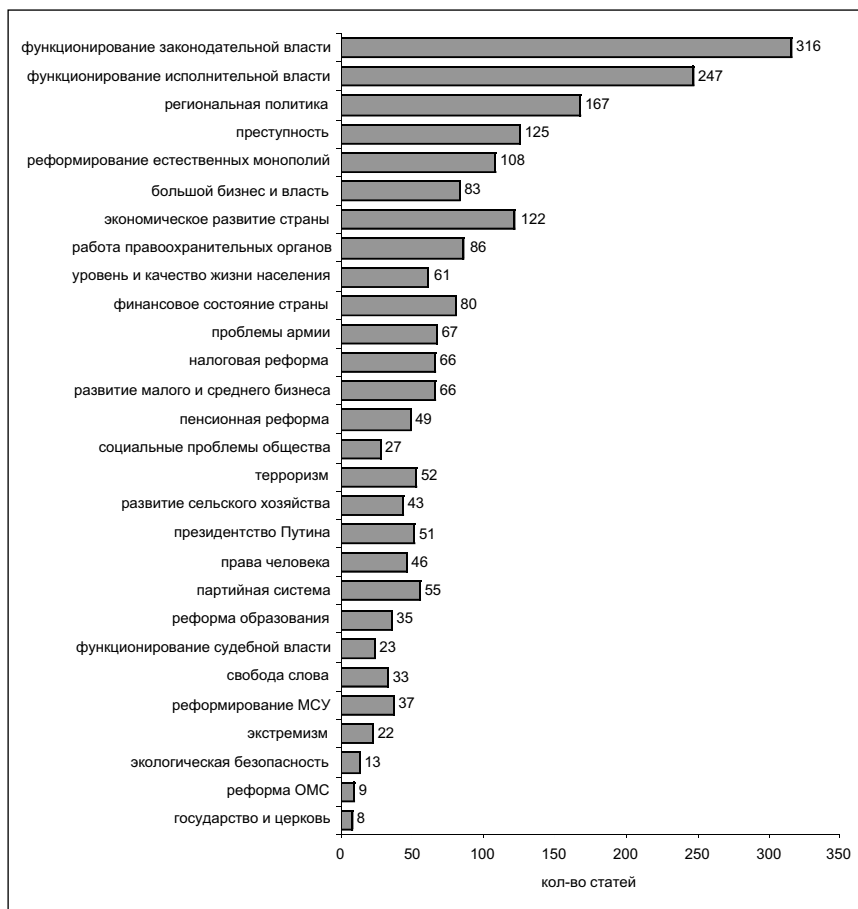

Рис. 9. Тематическая структура «Независимой газеты» за период с 01 января по 31 августа 2003 г. по количеству статей (упорядочен по рис. 6)

Стабильность тематической структуры политического дискурса подтверждается также данными проведённого корреляционного анализа. Как отмечалось ранее, тематика всего корпуса политических текстов и его отдельных фрагментов может быть описана вектором частот, приписанных каждой из 28 главных тем тезауруса. Эти частоты могут определяться двумя способами — по числу статей, в которых появляется тема (частоты *появлений*), и по числу упоминаний темы в статьях (частоты *вхождений*).

Для проверки сформулированной выше гипотезы мы рассмотрим две группы фрагментов корпуса текстов. **Группа 1** будет соответствовать разбиению корпуса на три типа источников: центральные СМИ, региональные СМИ, сетевые СМИ. **Группа 2** состоит из текстов, представленных в конкретных изданиях. Набор изданий подобран так, чтобы в него входили, во-первых, представители разных типов из Группы 1, и, во-вторых, чтобы они различались по политической ориентации. В результате были отобраны следующие издания: «Эхо Москвы», «Красноярский рабочий», «Независимая газета», «Советская Россия». Сходство векторов частот оценивалось с помощью линейного коэффициента корреляции и рангового коэффициента корреляции Спирмена. Ниже приведены таблицы корреляция для разных групп, разных коэффициентов и разного способа образования частот.

Таблица 3

Коэффициенты линейной корреляции между частотами вхождения различных тем для разных типов СМИ

	весь корпус	федеральные	региональные	сетевые
весь корпус	1	0,993	0,871	0,921
федеральные	0,993	1	0,893	0,868
региональные	0,871	0,893	1	0,680
сетевые	0,921	0,868	0,680	1

Таблица 4

Коэффициенты ранговой корреляции между частотами вхождения различных тем для разных типов СМИ

	весь корпус	федеральные	региональные	сетевые
весь корпус	1	0,991	0,876	0,949
федеральные	0,991	1	0,891	0,925
региональные	0,876	0,891	1	0,787
сетевые	0,949	0,925	0,787	1

Таблица 5

Коэффициенты линейной корреляции между частотами появления различных тем для разных типов СМИ

	весь корпус	федеральные	региональные	сетевые
весь корпус	1	0,998	0,949	0,973
федеральные	0,998	1	0,949	0,959
региональные	0,949	0,949	1	0,888
сетевые	0,973	0,959	0,888	1

Таблица 6

Коэффициенты ранговой корреляции между частотами вхождения различных тем для отдельных изданий

	Эхо Москвы	Красноярский рабочий	Независимая газета	Советская Россия
Эхо Москвы	1	0,630	0,893	0,743
Красноярский рабочий	0,630	1	0,804	0,853
Независимая газета	0,893	0,804	1	0,863
Советская Россия	0,743	0,853	0,863	1

Таблица 7

Коэффициенты ранговой корреляции между частотами появления различных тем для отдельных изданий

	Эхо Москвы	Красноярский рабочий	Независимая газета	Советская Россия
Эхо Москвы	1	0,796	0,872	0,863
Красноярский рабочий	0,796	1	0,882	0,842
Независимая газета	0,872	0,882	1	0,811
Советская Россия	0,863	0,842	0,811	1

Из табл. 3 и 4 легко усмотреть, что численные значения ранговых корреляций несколько выше, но при этом отражают сходную структуру зависимостей: значения коэффициентов упорядочены по величине сходным образом. Эта же тенденция сохраняется и для остальных случаев, поэтому далее мы не будем приводить таблицы с ранговыми коэффициентами корреляции.

При анализе таблиц сразу бросается в глаза очень высокое сходство в ранговых корреляциях по частоте между таблицами, отражающими различное членение политического дискурса. Наибольшая доверительная вероятность (вероятность ошибки при отвержении нулевой гипотезы о независимости векторов частот) равна 0,0003. Таким образом, полученные данные подкрепляют выдвинутую выше гипотезу об относительной устойчивости тематической структуры политического дискурса. Кроме того, это говорит о том, что исследуемый феномен реально существует: иными словами, тематика политического дискурса — это не виртуальный фантом, «придуманный» аналитиками, а органичная часть политического языка и политического мышления в том виде, в котором они реализуются в текстах СМИ, порождаясь совокупной практикой агентов сферы политики.

Если сравнивать попарно значения линейных корреляций в табл. 3 и 5, а также 6 и 7, то обнаружится, что коэффициенты корреляции имеют более высокие значения, когда подсчитываются частоты тем по их появлению, т.е. по числу публикаций, в которых затронуты эти темы. Это наблюдение, которое нуждается, конечно, в дополнительной статистической проверке, может иметь следующее содержательное объяснение. Частота публикаций по определенным темам отражает более объективную составляющую политического дискурса — собственно тематическую в указанном выше понимании. Что касается частоты вхождений соответствующих темам дескрипторов в реальные тексты, то она прямо зависит от позиции автора текста: чем больше затрагивает автора соответствующая тема, тем чаще он использует слова (дескрипторы) для обращения к этой теме. Следовательно, частота вхождений тем отражает более субъективную — диспозиционную — составляющую политического дискурса.

Заключительные выводы к Разделу 1

В результате проведенного исследования была создана модель российского политического дискурса, в которой политический дискурс предстает с точки зрения своей тематической составляющей. Иными словами, политический дискурс был описан не только совокупность дискурсивных практик, характерных для современного русского политического языка, но и конкретными темами, вокруг которых этот дискурс формируется.

Для компьютерной поддержки этой модели политического дискурса был разработан программный пакет SigmaFE, совмещающий специфические особенности информационно-поисковых систем с инструментарием контент-анализа. Область информационного поиска представлена в созданной модели возможностями тезауруса проблемной области, который может одновременно рассматриваться как информационно-поисковый тезаурус, а сфера контент-анализа — функцией поиска концептуальных переменных (понятийных категорий), представленных в текстах своими репрезентантами.

Программный пакет SigmaFE позволяет работать с динамическими корпусами текстов: пополнение корпуса текстов не меняет основных принципов работы программы. Созданное программное обеспечение является универсальным в том смысле, что позволяет изучать различные типы дискурсов за счет модификации структуры и содержания тезауруса проблемной области.

Как показало проведенное исследование, тематическая структура политического дискурса — это не субъективный фантом, а объективная реальность, что подтверждается наличием устойчивых корреляций между данными, полученными в разных исследовательских «срезах» анализа собранного материала.

Гуманитарное знание, как принято считать, субъективно по своей природе. Поскольку научные дисциплины, изучающие публичную политику (политология, социальная психология, политическая лингвистика), как и любые другие сферы гуманитарного знания, обладают высокой степенью субъективности, разработку и применение предлагаемого метода исследования следует рассматривать в контексте одной из приоритетных научно-исследовательских задач — объективации гуманитарного знания.

РАЗДЕЛ 2.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ «БОЛЬШОЙ БИЗНЕС И ВЛАСТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Как уже было сказано выше, политический дискурс определяется, с одной стороны, совокупностью тем, становящихся предметом обсуждения, а с другой — принятыми языковыми способами обсуждения этих тем (дискурсивными практиками). Следовательно, на формирование политических установок влияет не только набор тем (то, **о чем говорят**), но и то, **как говорят** или пишут о тех или иных событиях. Лингво-статистический анализ метафорики текстов позволяет сделать вывод о языковых способах обсуждения тем, существующих в политическом дискурсе, и о том, какое влияние они оказывают на формирование коллективных политических диспозиций граждан.

2.1. Метафора как объект анализа

Метафора представляет собой важный объект исследования политической лингвистики в силу того, что метафорика относится не только к области чистой формы, но и к сфере мышления и сознания человека¹. С точки зрения **воздействия**, использование метафор как в устной, так и письменной речи, позволяет в той или иной мере влиять на восприятие человека, а также на понимание им тех или иных социальных событий и явлений, а также формировать их оценку. В широком смысле метафоры способны структурировать мышление человека, его модель мира.

С точки зрения **анализа дискурса**, характер используемых журналистами или политиками метафор и метафорических моделей указывает на способ их мышления; дает представление об их истинном (часто не осознаваемом) отношении к различным событиям общественно-политической жизни; позволяет строить прогнозы относительно способов принятия решений, так как выбор той или

¹ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.

иной метафорической модели представления событий навязывает, формирует набор альтернатив разрешения той или иной проблемной ситуации¹.

В основе настоящего исследования лежит дескрипторная теория метафоры, разработанная А.Н. Барановым на материале политического дискурса эпохи перестройки². Дескрипторная теория метафоры основывается на когнитивном подходе, в рамках которого **метафора** представляет собой феномен, состоящий в употреблении слова, обозначающего один класс предметов или явлений, для характеристики или наименования объекта другого класса. Таким образом, метафора понимается как взаимодействие **области источника** и **области цели**. Так, например, для метафоры *политические войны* областью источника являются знания человека о войне и боевых действиях, переносимые на область цели — сферу политики.

Область источника представляет собой структуру знаний о некоторой проблемной области, элементы которой связаны между собой семантическими отношениями. В дескрипторной теории метафоры совокупность семантически связанных понятий, относящихся к одной и той же области человеческого знания, называется **метафорической моделью** (или М-моделью). Иными словами, метафорическая модель — это тип области источника. Совокупность метафорических моделей, использующихся в дискурсе, образует **метафорику** этого дискурса. Например, семантическое поле понятий, относящихся к сфере медицины (*солнечное сплетение экономического подъема, паралич экономики*), образует метафорическую модель МЕДИЦИНА. По такому же принципу выделяются и другие метафорические модели, а именно: ВОЙНА, ИГРА, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ФАУНА, МЕХАНИЗМ и т.д.

В дескрипторной теории метафоры область источника метафоры описывается **сигнификативными дескрипторами** — элементами семантического метаязыка, отражающими феномены соответствующей тематической области. Тем самым метафорическую модель образует иерархия сигнификативных дескрипторов (семантическое дерево), описывающих единую тематическую область. С формальной точки зрения сигнификативные дескрипторы представляют собой нормированное подмножество лексем русского языка (преимущественно,

¹ Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации. // Sprachwandel in der Slavia. Teil 1. Frankfurt am Mein, 2000.

² Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН, сер. Литературы и языка, 2004, № 1.

существительных), в котором запрещена многозначность (полисемия и омонимия). Кроме того, дескрипторы должны относиться только к одной метафорической модели. Например, в семантическом дереве метафорической модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР представлены следующие сигнификативные дескрипторы: «преступные действия» — «убийство», «наезд», «накат», «кража» и др.; «участники преступных группировок» — «преступник», «наперсточник», «вор» и др.

Сходным образом структурируется **область цели**. В рассматриваемом случае (взаимоотношения бизнеса и власти) она представляет собой совокупность общественно-политических реалий, характерных для исследуемой проблемной области. Как и область источника, область цели описывается так называемыми **денотативными дескрипторами**. Так, например, исследуемая область взаимоотношений большого бизнеса и власти описана следующими денотативными дескрипторами: «олигарх», «власть», «бизнес-сообщество», «конфликт между бизнесом и властью», «взаимоотношения бизнеса и власти» и др.

Поскольку в рамках когнитивной теории метафора влияет на сознание (см. выше), то исследование метафорической структуры дискурса о бизнесе и власти должно дать важную информацию о способах осмысления в СМИ соответствующих реалий общественно-политической жизни. Это, в свою очередь, позволит сделать некоторые выводы о том, как в обществе оценивается конфликт между большим бизнесом и властью.

2.2. Тема «Большой бизнес и власть» в структуре политического дискурса: динамика и интенсивность обсуждения

Тема «Большой бизнес и власть» включает в себя ряд взаимосвязанных сюжетов, касающихся взаимоотношений представителей большого бизнеса — так называемых олигархов — с действующей властью. В самом общем виде проблема этих взаимоотношений сводится, с одной стороны, к попыткам отдельных представителей бизнес-сообщества влиять на принятие политических решений, с другой — борьбе власти с ними и усилению контроля над деятельностью крупнейших российских компаний.

Не имея возможности осветить все аспекты этой проблематики, упомянем основные события исследуемого временного периода с января по август 2003 г. включительно.

2003 год начался с обсуждения вопроса о роли олигархического капитала и конкретных представителей крупного бизнеса в политико-экономическом пространстве страны; о целесообразности прихода в отечественную нефтегазовую отрасль иностранных инвесторов (слияние компаний British Petroleum и ТНК). Весной Генеральной прокуратуре РФ не удалось добиться экстрадиции задержанного в Великобритании Б. Березовского, которому впоследствии было предоставлено политическое убежище. В мае появляется доклад Совета по национальной стратегии, в котором излагаются основные идеи якобы существующего олигархического заговора, ставящего целью «обеспечения личной унии власти и сверхкрупного бизнеса, то есть, прямого продвижения олигархов на ключевые государственные посты»¹. В начале июля стало известно о покупке Романом Абрамовичем футбольного клуба «Челси». В том же месяце был задержан председатель Совета директоров группы «Менатеп» Платон Лебедев, после чего начались обыски в НК «ЮКОС». На этом фоне начинается активная дискуссия по вопросу пересмотра итогов приватизации. А в конце августа Генеральная прокуратура в очередной раз пытается добиться экстрадиции В. Гусинского, задержанного в Греции, однако он освобождается под залог в 100.000 евро.

В российском политическом дискурсе тема «Большой бизнес и власть» в исследуемый период оказывается одной из наиболее частотных. Она активно обсуждается в СМИ и занимает 6 место из 28² в составленном нами рейтинге, основанном на числе статей, в которых упоминается эта тема (856). По интенсивности дискуссии данная тема делит 7 место вместе с темой «Преступность» (5,5) (см. рис. 6 и 7).

На рис. 10 и 11 графически представлена частота появления статей по рассматриваемой теме и интенсивность ее обсуждения за весь период. Интенсивность обсуждения вычислялась как отношение количества вхождений по теме к количеству найденных документов. Отчетливо видно, что основной всплеск интереса к теме отмечен на 25 неделе (начало июля). Это связано с двумя значимыми событиями — покупкой Р. Абрамовичем английского футбольного клуба «Челси» (2 июля) и началом «дела ЮКОСА», ознаменованного арестом П. Лебедева (3 июля). Именно с этого момента резко возрастает как количество статей, так и интенсивность обсуждения данной темы. Постепенное снижение числа

¹ См. доклад Совета по Национальной Стратегии "Государство и олигархия" <http://www.snsr.ru/reports/government.html>

² См. рис. 6.

статей и интенсивности обсуждения обусловлено не столько угасанием интереса к проблеме, сколько началом летнего политического затишья и сезоном отпусков в ряде печатных изданий.

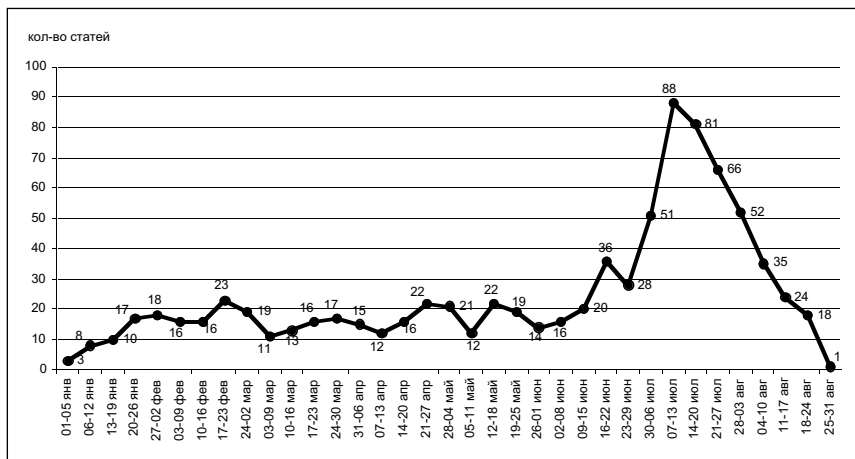

Рис. 10. Динамика появления статей по теме «Большой бизнес и власть» в политическом дискурсе за период с 01 января по 31 августа 2003 г.

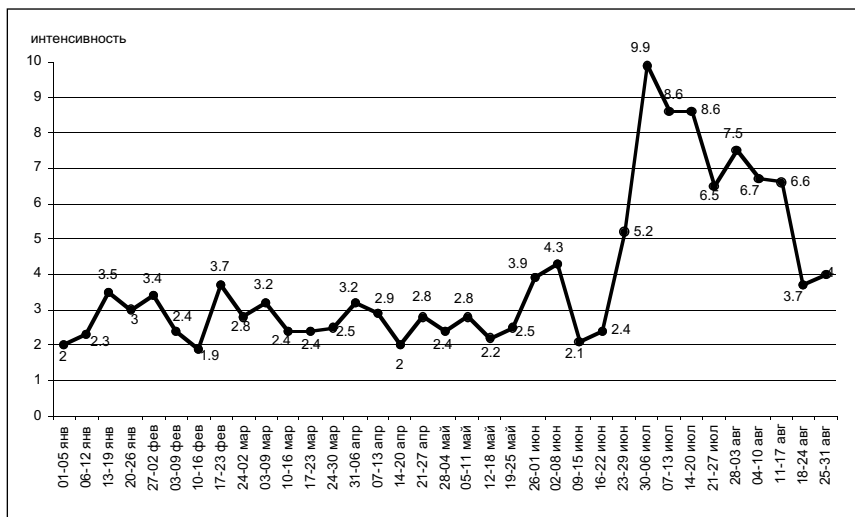

Рис. 11. Интенсивность обсуждения темы «Большой бизнес и власть» в политическом дискурсе за период с 01 января по 31 августа 2003 г.

2.3. Кризисность политической ситуации и эксперимент К. де Ландсхеер

Прежде чем перейти к основной задаче — исследованию метафорической структуры политического дискурса по выбранной тематике — следует более подробно остановиться на гипотезе о взаимосвязи между частотой употребления метафор и кризисным состоянием общественного сознания, связанным с наличием проблемной ситуации, требующей решения. В связи с этим одной из подзадач стала проверка гипотезы голландской исследовательницы К. де Ландсхеер¹, заключающаяся в установлении корреляций между частотой использования в политическом дискурсе политических метафор и периодом политико-экономических кризисов. Выбранная для изучения тема в полной мере соответствует поставленной задаче, так как обострение взаимоотношений между олигархами и действующей властью в июле 2003 года отрицательно сказалось на политическом и экономическом состоянии страны, а также на общественном сознании населения. Соответственно, если выдвигаемая К. де Ландсхеер гипотеза о **метафорах как показателях кризисности** верна, то этот факт должен подтверждаться пиками частоты употребления метафор в текстах СМИ сформированного корпуса.

Гипотеза о метафорах как показателях кризисности общественно-политической ситуации проверялась также на материале русского политического дискурса периода экономического кризиса 1998 г.² При этом методика К. де Ландсхеер была существенно изменена. Описываемый здесь эксперимент основывался на варианте методики, предложенном А.Н. Барановым, которая сводится к подсчету двух параметров: параметра **относительной частоты употребления метафор в тексте (F)** и параметра **креативности (C)**.

¹ К. де Ландсхеер впервые поставила эксперимент, связанный с частотой использования политических метафор, на материале голландского политического дискурса за период с 1831 по 1981 гг. Корпус изучаемых текстов состоял из отрывков фламандской прессы (парламентские репортажи, колонки политических комментаторов, редакционные статьи) общим объемом 439582 употребления. Выбор границ отрывков был формальным, но варьировался. Так, для периода 1919-1939 гг. брались сто последних слов политических комментариев к парламентским выборам, а для периода 1850-1914 — первые сто слов редакционных статей. А весь 150-летний период был разделен на три части: 1831-1914, 1919-1939 и 1965-1981. [Christl de Landsheer. Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // Communication and cognition. 1991. Vol. 24. №3/4]

² Подробнее см. Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Sprachwandel in der Slavia. Teil 1. Frankfurt am Mein, 2000.

Относительная частота употребления метафор (F) — количественный показатель, который определяется как отношение общего количества метафор в статье (T) к общему числу слов в статье (Q) и вычисляется по формуле:

$$F = \frac{T}{Q}$$

Креативность (С) — качественная характеристика метафоричности дискурса, которая отражает силу образности и воздействия метафор на аудиторию. В соответствии с данным тезисом все метафоры делятся на три класса по степени воздействия на восприятие аудиторией тех или иных событий: стертые, конвенциональные и креативные.

Стертые метафоры (W), как правило, фиксируются в толковых словарях как переносные значения и входят в употребление настолько, что иногда даже не осознаются как метафоры. Например, лексема «поле», кроме своего прямого значения, имеет и переносное — область деятельности, поприще. Такие метафоры как *экономическое поле* и *политическое поле* квалифицируются как стертые.

К **конвенциональным метафорам (N)** относятся те случаи наиболее частотных употреблений метафорических моделей (ВОЙНА, ТЕАТР, ИГРА и т.д.), которые не фиксируются словарем как переносные значения, а поэтому осознаются как метафоры, а не как значения слов. Например, у слова «игра» не зафиксировано в толковом словаре переносное значение, которое могло бы соответствовать значению «взаимоотношение между политическими субъектами», поэтому такая метафора как *игра по правилам* в контексте взаимоотношений бизнеса и власти квалифицируется как конвенциональная.

Креативные, или новые, метафоры (S) в выборке встречаются крайне редко. К ним относятся метафоры, которые создаются при использовании нетривиальных метафорических моделей или при апелляции к прецедентным текстам. К прецедентным текстам относятся тексты художественной литературы, популярные песни, лозунги, реклама и т.д. В анализируемой выборке к креативным метафорам относятся следующие:

- (1) Путин, запрещая олигархам лезть в политику, намекает им на печальную судьбу Березовского и Гусинского. Произносит поэтическую фразу: «Иных уж нет, а тех **долечим...**» [Проханов А., «Завтра», 29.07.03].
- (2) **ЮКОС** в горле. [Коньков Н., «Завтра», 10.07.03]

Для расчета параметра креативности каждому классу метафор присваивается (разумеется, довольно условно) некоторый вес по силе влияния на сознание: стертые метафоры получают коэффициент 1, конвенциональные – 1,5 и креативные – 3. Таким образом, формула для расчета выглядит следующим образом:

$$C = \frac{1W + 1,5N + 3S}{T},$$

где W, N, S – количество стертых, конвенциональных и креативных метафор соответственно, а T – общее количество метафор, обнаруженных в текстах.

Стоит особо отметить, что такой принцип приписывания весов наиболее адекватно отображает вклад каждой метафоры в общие показатели метафоричности. В эксперименте К. де Ландсхеер веса присваивались отдельным метафорическим моделям по степени конфликтности, однако четкого объяснения критериев конфликтности сформулировано не было. Кроме того, в шкале конфликтных моделей К. де Ландсхеер не была учтена метафорическая модель ВОЙНА, играющая исключительно важную роль в российском политическом дискурсе.

Для проверки сформулированной гипотезы был проведен анализ текстов корпуса, посвященных теме «Большой бизнес и власть», с точки зрения использования в них метафор. Общий объем выборки по этой теме составил 856 статей за период с 01 января по 31 августа 2003 г. В итоге в 856 статьях по теме было зафиксировано 840 метафор. Метафоры были объединены в 37 метафорических моделей. Сначала рассмотрим рис. 12, на котором представлена динамика появления метафор дискурсе по данной теме, а затем рис. 13, отражающий совместную динамику параметров относительной частоты и креативности.

Содержательный анализ предполагает интерпретацию данных по трем направлениям:

- относительная частота появления метафор в текстах по теме (параметр F);
- креативность метафор, используемых в дискурсе по теме (параметр C);
- оценка совместной динамики параметров F и C.

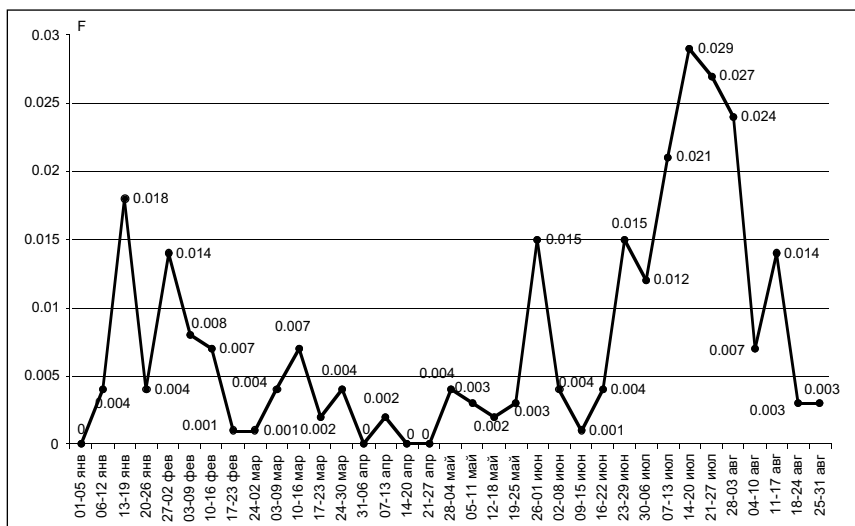

Рис. 12. Динамика изменения относительной частоты использования метафор в дискурсе темы «Большой бизнес и власть» за период с 01 января по 31 августа 2003 г.

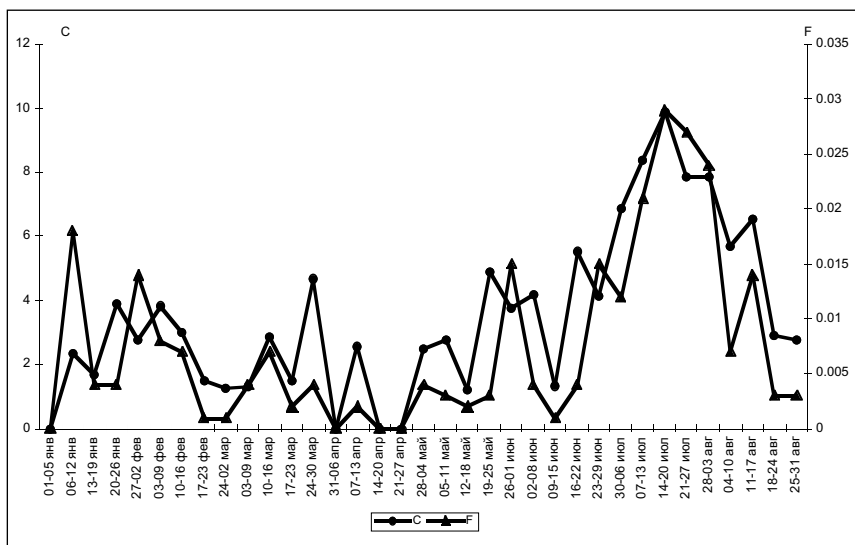

Рис. 13. Совместная динамика параметра относительной частоты появления метафор и параметра креативности метафор в дискурсе темы «Большой бизнес и власть» за период с 01 января по 31 августа 2003 г.

Относительная частота появления метафор в текстах по исследуемой теме.

Как следует из рис. 13, по мере увеличения числа статей по обсуждаемой тематике одновременно возрастает не просто количество метафор, но и увеличивается их плотность в текстах (см. выше формулы вычисления относительной частоты, основанной на подсчете среднего количества употребления метафор в статье). Это позволяет сделать предположение о том, что метафоричность связана с наличием общественно-значимой неразрешенной проблемы. При этом рост количества статей и относительной частоты появления метафор происходит практически одновременно, начиная с 25 недели (16-22 июня). Оба параметра достигают экстремумов на 29 неделе (14-20 июля) и на 31 неделе (28-03 августа) (начало «дела ЮКОСа» и дискуссий по вопросу о возможности пересмотра итогов приватизации).

Помимо очевидных пиков кризисности ситуации вокруг крупного бизнеса, обращают на себя внимание еще несколько промежуточных экстремумов, фиксирующих отправные точки развивающегося конфликта и задающих общий тренд метафорического осмысления ситуации. Первый «всплеск» приходится на вторую неделю (06-12 января). Он связан с появлением статьи И. Дискина в Интернет-издании «Политком», в которой обсуждается идея о резко отрицательной роли олигархов в политико-экономическом развитии страны:

- Парадокс объясняется плохим реальным инвестиционным климатом. Здесь неправоудное решение, отнимающее бизнес, важнее антибюрократических законов. «Чисто конкретная» встреча с налоговиками или таможенниками убеждает сильнее, чем налоговая реформа. Олигархи создают себе собственный климат. Но за пределами их империй инвестировать еще очень рискованно. Все более модным становится уход под олигархическую «крышу». На повестке дня всеобщая «чеболизация». Сейчас ширятся ряды трубадуров этого курса. Бюро РСПП провозгласило его основой промышленной политики. Ряд видных ученых утверждает, что это нормально и «иного не дано». Однако следует понять «цену вопроса». Цена – тупик в развитии страны. [Дискин И., «Политком», 06.01.2003]

Второй промежуточный экстремум приходится на 22 неделю (26-01 июня). Именно в этот момент в СМИ появляются выдержки из доклада Совета по национальной стратегии «Государство и олигархия», в котором подробно расписываются перспективы и последствия олигархического заговора:

- Олигархи пришли к выводу, что ныне, после завершения первичной приватизации, институт президентства является уже не столько гарантом стабильности правящего слоя, сколько потенциальным источником смутной угрозы для такового. <...> Поскольку институт президента, с точки зрения правящего слоя, выполнил свою историческую миссию и потому более не нужен (в будущем – скорее опасен, в силу чрезвычайно широких формальных полномочий главы государства, потенциально позволяющих корректировать базовую философию и технологию власти), а также – поскольку олигархи как физические лица не располагают публичным политическим ресурсом для победы на прямых общенациональных выборах, ключевой субъект правящего слоя принял решение ограничить полномочия президента РФ и трансформировать Россию из президентской республики в президентско-парламентскую (квазифранцузская модель). Основным идеологом подобной трансформации выступает глава НК ЮКОС («ЮКОС-Сибнефть») Михаил Ходорковский, его явно и неявно поддерживают другие ключевые фигуры олигархического пула – Р. Абрамович, О. Дерипаска, М. Фридман [выдержки из доклада Совета по Национальной Стратегии «Государство и Олигархия», «Завтра», 26.06.2003].

Незадолго до этого в той же газете «Завтра» была опубликована статья С. Белковского, в тех же тонах описывающая роль представителей крупного бизнеса в принятии ключевых политических решений:

- Если же президент добровольно смирится с упразднением его республики, главу «ЮКОС-Сибнефти» можно будет нейтрализовать каким-нибудь другим изощренным образом. Благо, олигархический опыт в области нейтрализации условного противника велик и славен. Вспомним хотя бы «крестного отца Кремля» Бориса Березовского, для которого вчерашние ученики приготовили камеру с крысами и педерастами в фешенебельном самарском СИЗО. [Белковский С., «Завтра», 06.05.2003.]

В определенном смысле эти три публикации и в особенности доклад стали отправной точкой развития конфликта, именно с этого времени начинается постепенный рост относительной частоты появления метафор в текстах СМИ.

Креативность метафор. Параметр креативности сам по себе очень информативен для характеристики метафорики дискурса, так как он дает качественную

оценку используемым метафорам. Низкие значения кривой С свидетельствуют о доминировании в дискурсе стертых метафор, соответственно, более высокие значения демонстрируют, что в дискурсе преобладают конвенциональные и креативные метафоры. Кроме того, увеличение креативности метафорики дискурса свидетельствует не только о кризисности ситуации, но и о ее чрезвычайной актуальности для СМИ, так как каждая используемая ими метафорическая модель представляет собой одну из альтернатив осмысления ситуации. Рис. 16 наглядно демонстрирует рост креативности в период обострения взаимоотношений бизнеса и власти, что говорит об актуальности и значимости данной темы для СМИ.

Характер **совместной динамики двух параметров** в самом общем виде подтверждает гипотезу К. де Ландсхеер о связи частоты употребления метафор с кризисным состоянием общественного сознания. Действительно, с началом обострения взаимоотношений крупного бизнеса и власти наблюдается резкое одновременное возрастание как относительной частоты появления метафор в текстах, так и их креативности. Как видно на рис. 13, обе кривые имеют сходную траекторию, а в кризисный период точно повторяют друг друга. Это говорит об адекватности отражения степени кризисности ситуации обоими параметрами; они одновременно реагируют на ключевые события в рамках данной темы, одновременно достигают пиков и идут на спад.

2.4. Типы метафорических моделей в дискурсе темы «Большой бизнес и власть»

Метафорической моделью является совокупность однородных понятий, относящихся к одной и той же проблемной сфере. Анализ 840 метафор, выявленных в текстах СМИ за период с 01 января по 31 августа 2003 г., позволил выявить 37 метафорических моделей, с помощью которых осмыслиется как характер взаимоотношений крупного бизнеса и властных структур, так и каждый из участников данной политической ситуации. На рис. 14 представлены 37 М-моделей, упорядоченные по абсолютной частоте встречаемости в дискурсе по указанной теме.

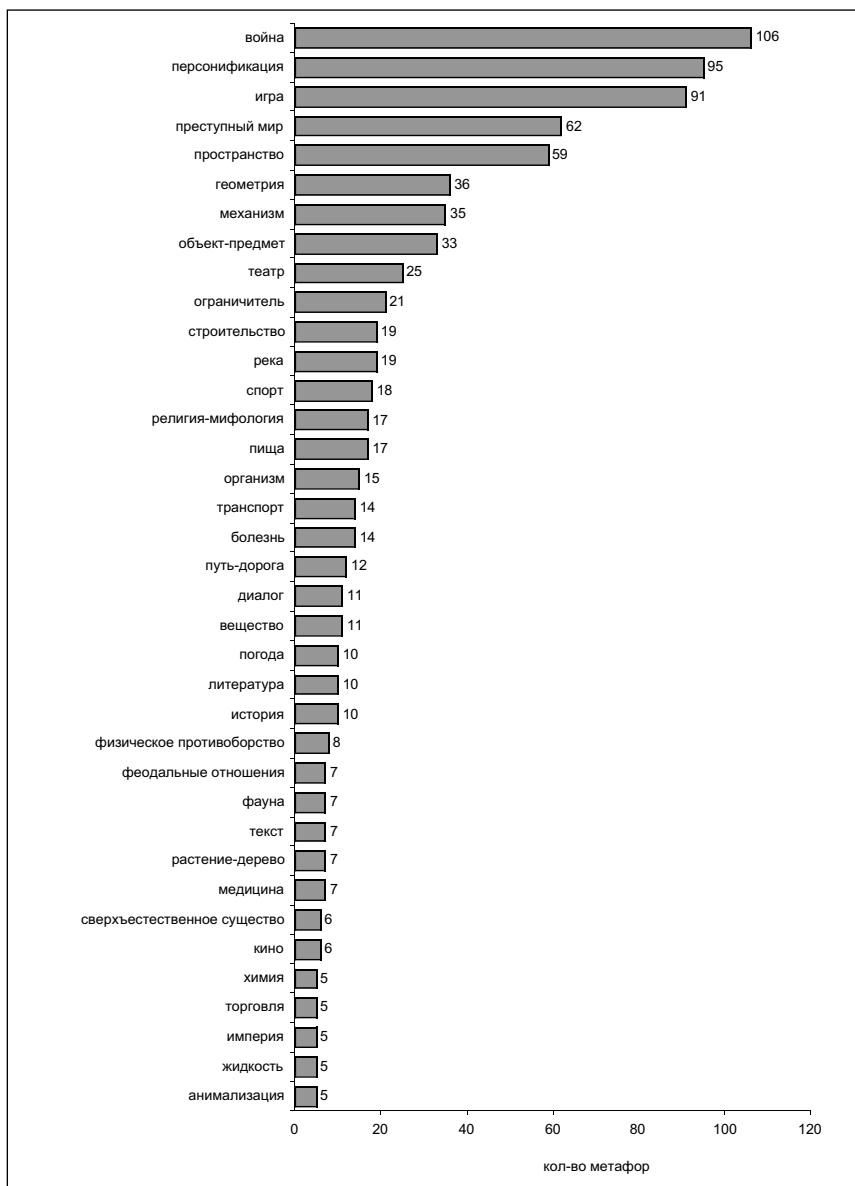

Рис. 14. Типы метафорических моделей в дискурсе темы «Большой бизнес и власть» за период с 01 января по 31 августа 2003 г.

Следует отметить, что на рис. 14 отражается частота употребления М-моделей в дискурсе за весь период, а момент собственно кризиса составляет в нашей выборке только 10 недель. В связи с этим для большей адекватности отображения полученных данных весь период делится на два временных отрезка: до кризиса — с 1 по 25 неделю (с 01 января по 15 июня 2003 г.), и сам кризис — с 25 по 35 неделю (с 16 июня по 31 августа 2003 г.). Удельный вес приведенных выше моделей в каждом из периодов отражен на рис. 15.

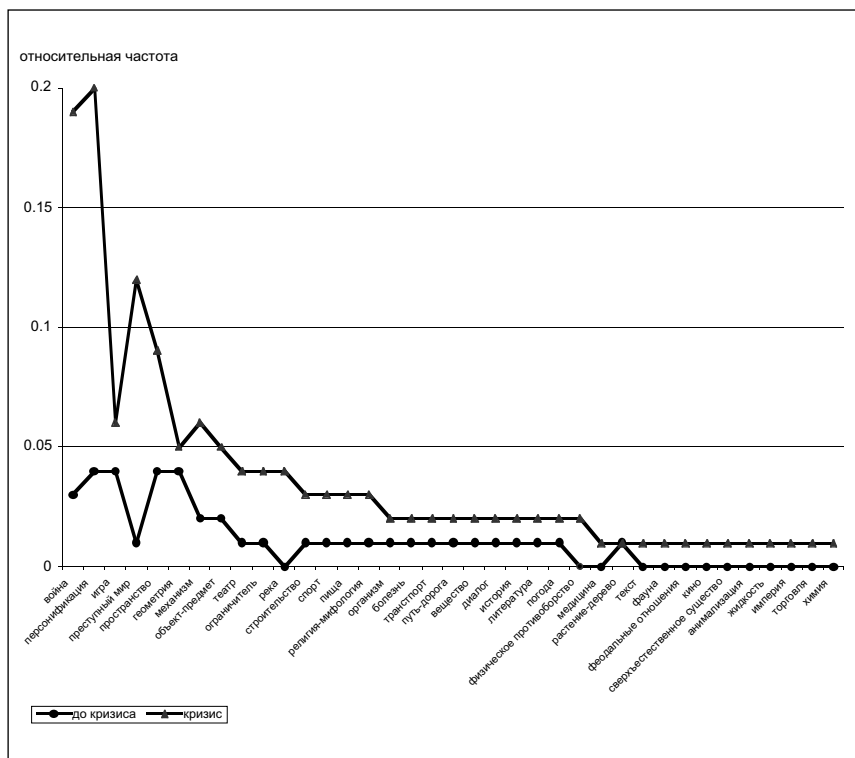

Рис. 15. Относительная частота появления метафорических моделей в текстах по теме «Большой бизнес и власть» в докризисный (1-25 недели) и кризисный (25-35 недели) периоды

Как видно на рис. 15, М-модели неравномерно распределены по двум периодам. Именно на этапе непосредственного обострения взаимоотношений между представителями крупного бизнеса и властью значительно увеличивается относительная частота использования СМИ всех типов метафорических моделей,

а отдельные М-модели появляются только в момент кризиса. В докризисный период отношения большого бизнеса и власти описываются М-моделями ПРОСТРАНСТВА, ПЕРСОНИФИКАЦИИ, ГЕОМЕТРИИ, ИГРЫ. А во втором периоде доминируют метафоры ВОЙНЫ, ПЕРСОНИФИКАЦИИ, ИГРЫ, ПРЕСТУПНОГО МИРА. Показательно, что М-модель ПРЕСТУПНЫЙ МИР актуализируется именно на этапе кризиса, а до этого момента ее удельный вес практически равен нулю, М-модель ГЕОМЕТРИИ сохраняет свою достаточно высокую относительную частоту появления на обоих периодах. Такое распределение М-моделей в кризисный и докризисный периоды с определенностью указывает на то, что общественно-политический кризис влияет на метафорическую структуру политического дискурса, что приводит к возрастанию числа конфликтных метафор — прежде всего М-модели ВОЙНЫ и ПРЕСТУПНОГО МИРА.

Обратимся теперь к анализу отдельных М-моделей, представленных на рис. 14.

В терминах М-модели ВОЙНА между олигархами и властью «ведутся военные действия», а их взаимоотношения описываются в основном дескрипторами «противостояние», «война», «сражение», «схватка». И олигархи, и представители власти являются активными участниками этих «военных действий», но по разные стороны баррикад.

- Российская политическая элита сегодня находится в состоянии острого политического кризиса: власть в лице определенных представителей силовых структур **объявила настоящую войну** большому бизнесу и, судя по всему, бизнес этот вызов принял. [Портников В., «Политком», 11.07.2003]
- Между тем сотрудники «ЮКОСа» разработали стратегию на случай **«потери бойцов»** из числа руководящего состава. Случится пропасть Ходорковскому – бразды правления должен принять тот самый Лебедев. Лебедев, впрочем, уже сидит. Ну цепочка там длинная. [Дейч М., «Московский комсомолец», 23.07.03]
- Как сказал Надеждин, сегодня бизнес и государство живут в обстановке **«боевых действий»**, и без кардинальной перестройки их взаимоотношений задачи, поставленные перед страной президентом, практически нереализуемы. [Никифорова М., «Независимая газета», 23.07.03]

Олигархи рассматриваются как «враги», и именно их деятельность привела к началу этой «схватки», а власть ведет активные «боевые действия» против олигархов, постоянно «атакует», «поражает мишень» с целью ослабить позиции крупных собственников, контролирующих экономику и пытающихся влиять на принятие политических решений. Интересно, что метафоры в рамках М-модели ВОЙНЫ последовательно распределяют роли между участниками. Если власть регулярно выступает как нападающая сторона, то бизнес — как обороняющаяся. Крупные собственники постоянно находятся в «обороне», они вынуждены парировать «удары», при этом воздерживаясь от нападения на «противника». Так, дескриптор «удар» в дискурсе данной темы употребляется при обсуждении действий властных структур (в частности, Генеральной прокуратуры) в отношении большого бизнеса и никогда наоборот.

- Власть, конечно, лукавит. Как и в случаях с Гусинским, Березовским, арест Лебедева – акция с политическим подтекстом. И олигархи правы в том, что это не последний **удар** по ним. [Новиков В., «Санкт-Петербургские Ведомости», 26.07.2003]
- Наоборот, Генпрокуратура нанесла вчера по НК ЮКОС еще один **удар**. Там подтвердили, что проводят проверку запроса депутата Госдумы Михаила Бугеры, утверждающего, что ЮКОС недоплатил налоги в 2002 году. [«Коммерсант», 10.07.2003]

Дескриптор «атака» является самым частотным в М-модели ВОЙНЫ (28). В подавляющем большинстве случаев (27 из 28) атакующая сторона — власть. Бизнес атакует лишь один раз и при этом не по своей воле, а в ответ на нападение со стороны государственных структур:

- Пока левые собираются с силами, другой оппонент Кремля Б. Березовский **ринулся в атаку**. На минувшей неделе он разместил огромную статью в подконтрольной столичной газете, где обвинил президента В. Путина в репрессиях и переделе собственности, а заодно во всех смертных грехах еще петербургского периода – от незаконной приватизации и продажи подводных лодок до связей с колумбийской мафией, покупке виллы в Испании и даже причастности к убийствам. [Щепляев В., «Время МН», 30.07.03]

Сложившаяся ситуация отчетливо демонстрирует двойственность и неоднозначность в позициях власти и бизнеса. Деятельность олигархов инициирует «боевые действия», но именно властные структуры нагнетают обстановку, усиливают противоборство, не оставляя им никакого шанса на ответные удары. Цель власти — добиться безоговорочной «капитуляции» и «отступления» крупных собственников, свести к нулю их влияния на принятие политических решений в государстве.

«Оружие» власти в этой войне — закон, который одновременно и «карающий меч»; «поле битвы» — суд. Описание законодательства в терминах концепта ОРУЖИЕ говорит о неадекватности использования законов властью в отношении крупных собственников. М-модель ВОЙНЫ, наряду с другими идеями, высвечивает мысль о том, что нормы права не регулируют взаимоотношения между участниками, а подчинены их интересам, в частности интересам власти. Иными словами, власть в лице правоохранительных органов наказывает олигархов за нарушение «правил игры», которыми подменяется право. Дискуссия сводится не к обсуждению законности/незаконности тех или иных действий сторон, а к соответствию их этим самым правилам. В случае несоответствия власть применяет против олигархов «оружие» — закон.

- Дискомфорт, воцарившийся в деловом мире, вполне объясним: нет ничего хуже неизвестности, никто не знает, на кого еще завтра может обрушиться **карающий меч правоохранителей**. Обнаружить «скелет в шкафу» можно практически у каждого, кто сумел попользоваться плодами приватизации. [Гук С., «Время МН», 23.07.2003]

Обращает на себя внимание использование дескриптора «зачистка»¹. Частота появления этого концепта относительно невелика, однако он очень выразителен по сравнению со многими другими дескрипторами М-модели ВОЙНА в описании характера отношений между бизнесом и властью. Дело в том, что он приравнивает этот конфликт к военным действиям в Чечне, где в роли федеральных сил выступает сама власть, а роль чеченских боевиков-сепаратистов отведена олигархам. В данном случае метафора военного наступления

¹ Изначально концепт «зачистка», по-видимому, относился к сфере медицины, однако в современном политическом языке под давлением речевых практик дискурса о войне в Чечне он используется как часть метафоры ВОЙНЫ.

власти на крупных собственников актуализирует представление об имеющемся конфликте как о подавлении бунта, о попытке переворота, о покушении на основы государственного устройства.

- Новый объект **предвыборной зачистки** нашупан. Бедные олигархи... [Джемаль О., «Новая Газета», 05.06.03]
- С политической точки зрения Явлинский так характеризует происшедшее: «Это **политическая зачистка** и подавление оппонентов перед выборами в форме запугивания». [Дичев М., «Известия», 07.07.03]

Идея конфронтации, высвечиваемая метафорой ВОЙНЫ, прослеживается и при использовании М-модели ИГРА, в которой взаимоотношения большого бизнеса и власти предстают как «азартная игра» по определенным «правилам» и с «большими ставками».

- В России большой бизнес и власть переплетаются настолько тесно, что **в игре с большими ставками** невозможно предполагать наличие только политических или только экономических факторов. Эксперты «Времени МН» уверены, что истину надо искать в их взаимодействии. [Костюк Е., «Время МН», 04.07.03]

Государство и олигархи — «игроки», причем власть всегда выигрывает: «забивает гол», «ставит мат» и пр., а бизнесмены «отыгрываются», «поднимают ставки», «проигрывают». Соответственно, «выигрыш» государства — это одновременный «проигрыш» олигархов, ослабление их позиций, политического влияния. Собственно дескриптор «игра» — помимо других концептов этой метафоры («игрок», «ставка» и т.п.) встречается 10 раз. В 3 случаях в терминах игры описана самостоятельная деятельность представителей крупного бизнеса, в 6 случаях — взаимоотношения власти и бизнес-сообщества в контексте передела собственности и конфликта вокруг ЮКОСа. Сам процесс передела собственности также описывается как «игра».

- Силовики в письме назвали **«самостоятельными игроками** на экономическом поприще с соответствующей политикой передела и применением всего арсенала силовых методов». [Смирнов К., «Коммерсант», 14.07.03]

- Очередная подковерная схватка кремлевских группировок, то есть пресловутых «семейных» и «силовиков»? Но не такие же там глупые люди, чтобы разрушать ими самими когда-то налаженный механизм взаимодействия власти и бизнес-сообщества, да при этом давать бизнес-сообществу недвусмысленный сигнал: все, эпоха **игры по правилам закончилась**, прежние договоренности не действуют, возвращаемся на несколько лет назад, во времена действительно «дикого» капитализма. [*Профиль*], 21.07.2003]
- А **политический выигрыш** (если считать выигрышем изгнание из страны крупных российских собственников) организаторы операции могут расценивать как бесплатное приложение к сделке. И предъявлять его политологам в качестве мудрого предвыборного хода. [*Иванов Н.*, «*Время МН*», 15.07.03]

Ключевым для данной модели является уже упоминавшийся выше дескриптор «правила игры», нарушение которых становится началом конфликта, причем эти правила устанавливаются государством, но при этом они не объяснены и могут меняться. Попытки прояснить эти правила приводят к началу конфликта — к силовым действиями правоохранительных органов. Дескриптор «правила игры» в текстах чаще всего представлен языковыми формами типа: *взаимодействие большого бизнеса и власти в России — это игра по правилам*. Представители власти обвиняют олигархов в ведении «самостоятельной игры», непредусмотренной установленными «правилами» и нацеленной исключительно на «проигрыш» государства.

- Представители бизнес-сообщества напоминают, что в июле 2000 года на встрече президента с предпринимателями шла речь об отказе государства от пересмотра итогов приватизации. И Путин согласился с предложением бизнесменов не менять больше **правила игры**. [*Положевец Г.*, «*Время МН*», 09.07.03]

Очевидно, что обе М-модели — и ИГРА, и ВОЙНА — описывают сходные свойства сложившейся ситуации, но степень конфликтности ситуации оказывается различной. ИГРА в отличие от ВОЙНЫ в более мягкой форме описывает суть взаимоотношений, акцентируя внимание на конкуренции и соперничестве субъектов, в то время как ВОЙНА — это вражда и открытое противостояние. Можно предположить, что использование той или иной модели обусловлено желанием самих журналистов обострять или не обострять данную проблему.

В терминах М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР взаимоотношения крупного бизнеса и власти описываются как «наезд», «налет», «накат», «разборка». Роли участников «преступных действий», как и в предшествующих случаях, четко фиксированы: власть является активным участником, совершающим определенные действия в отношении большого бизнеса, руководствуясь понятиями криминального мира. Олигархи и представители бизнеса представлены «заложниками» власти, а государство их «крышует», устраивает им «разборки» и «шантажирует» их. Ср. типичный пример интерпретации власти как «преступника», когда она «наезжает» на олигархов.

- Почему начали с ЮКОСа? Во-первых, нужно было продемонстрировать свое всеисие. Дескать, мы можем «завалить» любого колосса. Понятно, что для достижения этой цели **наехать** на какой-либо ларек Васи Пупкина недостаточно. [Сас И., «Независимая газета», 17.07.2003]
- Конечно, наивным согражданам хочется видеть за всем этим **«наездом»** ювелирную операцию патриотических чекистов и пламенных «муровцев», которые все эти годы постепенно восстанавливали свою мощь и готовили удар по зарвавшейся и разжиревшей на народной кровушке олигархии. [Гамаюн А., *Завтра*, 25.07.2003]
- Не надо сбрасывать со счетов и нынешнее обострение отношений между большим бизнесом и официальной властью. Скорее всего это вовсе не случайная **разборка** с одним зарвавшимся олигархом. По мнению многих экспертов, конфликт между двумя самыми влиятельными группами российской политики является объективно неизбежным. Вполне возможно, что новый выборный закон – один из элементов подготовки власти к этой битве. [Ростовский М., «Московский комсомолец», 08.07.2003]
- Скорее всего они **«забьют друг другу стрелку»** и будут договариваться (имеются в виду представители большого бизнеса и власть). В пользу этого варианта говорит и осторожность Ходорковского, отнюдь не стремящегося к сжиганию мостов. [Шаповал С., «Независимая Газета», 23.07.2003]
- А швейцарская газета «Ное Цюрихер цайтунг» пишет, что в Москве многие рассматривают **наезд на «ЮКОС»** как признак того, что силовики не хотят больше мириться с ситуацией, когда их доля при распределении новых богатств незначительна, и намерены претендовать на расширение этой доли. [Сафрончук В., «Советская Россия», 05.08.2003]

Использование этой М-модели в политическом дискурсе с такой высокой частотностью объясняется также и сложившимися историко-культурными условиями развития бизнеса в России. Действительно, эпоха накопления первичного капитала часто имеет криминальную природу — это относится не только к российскому постсоветскому капитализму. Иными словами, связь в общественном сознании между бизнесом и преступлением весьма сильна и хорошо мотивирована. Специфика рассматриваемого случая в том, что с помощью криминальной метафоры осмысливается не только бизнес, но и власть, причем власть выступает в качестве активной стороны.

Как показано на рис. 14, М-модель ПРЕСТУПНОГО МИРА занимает по частоте употребления четвертое место. Это очень высокий показатель, особенно если учесть, что в дискурсе эпохи перестройки она оказывается лишь на 26 месте¹. Хотя и для перестроечного дискурсе это была дискурсивная практика (в основном по культурным и историческим причинам)², все-таки в рассматриваемом случае столь высокая частота употребления указывает на специфические особенности восприятия отношений между властью и бизнесом. Анализ контекстов показывает, что самая важная идея, которая высвечивается моделью ПРЕСТУПНОГО МИРА — это представление о том, что описываемая конфликтная ситуация между бизнесом и властью не вписывается в рамки закона.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что основной вклад в общее число метафор, выявленных в статьях по теме «Большой бизнес и власть» вносят конфликтные М-модели — ВОЙНА, ИГРА и ПРЕСТУПНЫЙ МИР — 33%. Отношения, сложившиеся между представителями бизнес-сообщества и государством, осмысляются в общественном сознании как открытое военное противостояние, часто сменяющееся криминальными разборками. Доля метафор ПРЕСТУПНОГО МИРА чрезвычайно высока именно в конфликтный период (см. рис. 15), что нетипично даже для российского политического дискурса. Особо следует отметить, что доля конфликтных метафор одинаково высока для всех изданий выборки, именно они задают вектор осмысления данной проблемы во всех изданиях выборки.

¹ См. Подробнее Baranov A.N., Zinken J. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // Metapher, Bild und Figur. Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten/ Hamburg, 2003, S. 93-121.

² О понятии «дискурсивной практики» см. ниже.

Предшествующие М-модели семантически объединялись тем, что они несли в себе идею конфликта¹. Следующая по частоте за М-моделью ПРЕСТУПНОГО МИРА идет М-модель ПРОСТРАНСТВА и связанная с ней семантически М-модель ГЕОМЕТРИИ. В последней М-модели центральное место занимает дескриптор «равноудаленность». Очевидно, что это связано с некой политической программой власти: помещая олигархов «на равном удалении» от себя, власть четко очерчивает политическое пространство, в котором она занимает центральное место, а представители крупного бизнеса с определенного момента перемещаются на периферию, а в центр им путь закрыт. Именно М-модель ГЕОМЕТРИИ доминирует в доконфликтный период отношений между бизнесом и властью, так как в это время центральным в дискурсе является обсуждение роли олигархов в общественно-политической жизни. Метафорически программа действий власти описывается как «равноудаление олигархов». Правоохранительные органы стали этим активно заниматься с начала июля 2003 года.

- Этот доклад в равной степени может свидетельствовать об очередной финансовой склоке в стане олигархов или о новом витке **«асимметричного равноудаления»**, так пропагандируемого несколько лет назад Кремлем. Ведь тогда власть как раз и разделила олигархов на хороших и плохих, чтобы «замочить» последних. [Косарева Н., «Известия», 31.07.03]
- Под прикрытием тезиса о **«равноудаленности»**, в отсутствие правил игры, установленных государством, олигархи устанавливают частные правила, которые все больше определяют реальные условия политической и экономической жизни и, следовательно, нестабильность, характерную для любого периода отсутствия конвенции. [«Завтра», 26.06.03]

Если бизнес равноудален и выведен на периферию политического пространства, то власть представлена как центр «моноцентрической системы», отвечающий за принятие политических решений. Иными словами, еще раз подтверждается тот факт, что власть доминирует в сложившихся взаимоотношениях между бизнесом и властью, определяя его подчиненное положение в складывающейся системе единовластия:

¹ Имеется в виду объединение метафор в группы с близкими метафорическими следствиями, которые они профилируют в данном типе дискурса. См. подробнее понятие констелляции конфликтных метафор в Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка, 2004, том 63, № 1, с. 33-43.

- Такое положение дел был для власти неприемлемо – отсюда и создание Путиным того, что сейчас принято называть **властной вертикалью**, или, иначе говоря, **новой моноцентрической системы**. В результате Владимиру Путину удалось построить систему, в рамках которой политические акторы, будь то олигархи, губернаторы, владельцы СМИ, на федеральном уровне не являются столь значимыми игроками, каковыми они были в 1999 году. Их автономия резко ограничена, а те, кто не захотел принять новые правила игры, были вынуждены покинуть страну. [Бунин И., «Политком», 12.05.03]

В рамках М-модели ПРОСТРАНСТВА выделяется концепт ДВИЖЕНИЯ, который имеет следующие метафорические следствия: бизнес и власть последовательно интерпретируются как одушевленные участники движения, перемещающиеся относительно друг друга, при этом удаление высвечивает идею конфликта, противостояния, а приближение – стремление к достижению согласия. Ср. характерный пример:

- Г-жу Памфилову поддержал президент РСПП Аркадий Вольский. «Необходимо как бизнесу, так и власти **делать шаги навстречу друг другу**», – заявил он. [«Время МН», 18.07.03]

Однако количество контекстов, в которых метафоры высвечивают идею согласия (всего 7 упоминаний), незначительно по сравнению с долей конфликтных М-моделей в дискурсе. Таким образом, становится очевидным, что взаимоотношения между бизнесом и властью нацелены не на сближение, а на противостояние и борьбу.

Использование М-модели ПРОСТРАНСТВА в целом характерно и для политического дискурса эпохи перестройки. В соответствии с общепринятыми речевыми практиками, в терминах данной М-модели последовательно описываются экономика, политика, право и другие области общественной жизни. Особенность дискурса по теме «Большой бизнес и власть» состоит в том, что политика интерпретируется как «иерархическое пространство», в котором положение всех участников четко определено.

Для политического дискурса достаточно характерно употребление М-модели МЕХАНИЗМА. Одно из главных метафорических следствий данной модели сводится к следующему: проблемы, которые описываются с помощью концеп-

тов М-модели МЕХАНИЗМА, могут быть решены рациональным путем. Такое следствие весьма частотно в политическом дискурсе эпохи перестройки, но в текстах по теме «Большой бизнес и власть» чаще высвечивается другое следствие данной М-модели – взаимоотношения большого бизнеса и власти представлены как механизм, в работе которого часто возникают «сбои» и «поломки», что препятствует его нормальной работе и приводит к конфликту между олигархами и властными структурами.

- Президенту, конечно, будет трудно признать, что **сбой** в работающей уже три года системе «власть – бизнес» произошел по вине силовиков. [Костиков В., «Аргументы и факты», 16.07.2003]

В рамках М-модели МЕХАНИЗМА власть и бизнес интерпретируются по-разному. Власть последовательно описывается как «машина» или «механизм», имеющий «рычаги влияния», или как часть механизма («маховик»), без которой работа всей системы становится невозможной.

- И **маховик** в отношении показательной олигархической группы «ЮКОС-Менатеп» начал раскручиваться. Прокуратура реанимировала четыре давно «протухших» – закрытых либо недоказанных – уголовных дела, связанных с деятельностью топ менеджеров ЮКОСа. [«Профиль», 07.07.03]
- Метод управляющих глобального мира состоит в пропаганде открытого общества для свободного движения товаров и капиталов. Однако сама монетарная власть является наглухо закрытой внутри «открытого» общества, и все **реальные рычаги власти и ее механизмы** управляются скрытыми от гражданского общества финансовыми трансакциями. [Климов С., «Завтра», 20.06.03]

В описании представителей крупного бизнеса наблюдается не только непоследовательность, но и явное противоречие: с одной стороны, частная инициатива является «мотором» экономического роста, с другой – олигархическая система представляется как «тормоз» в развитии страны. Получается, что с помощью данной М-модели проводится четкое разграничение между малым и крупным бизнесом: частная инициатива в целом приветствуется, в то время как олигархический капитал препятствует не только экономическому, но и политическому развитию страны.

- Лидер «Яблока» продолжил, судя по всему, уже собственными рассуждениями о том, что **олигархическая система становится тормозом развития**, однако бороться с ней возможно и нужно нерепрессивными методами. [Григорьева Е., «Известия», 11.07.03]
- Компромиссный характер послания очевиден и в отношении к большому бизнесу. Президент признал тот факт, что **«мотором»** экономического роста является частная инициатива». [Бунин И., «Политком», 19.05.03]

Такое противоречивое осмысление политических реалий в рамках М-модели МЕХАНИЗМА отражает объективно существующее противоречие между бизнесом, связанным с властью, и бизнесом, относительно независимым от нее или, по крайней мере, пытающимся быть независимым.

М-модель МЕХАНИЗМ, относясь к группе рациональных метафор, устойчиво коррелирует с М-моделью СТРОИТЕЛЬСТВО. Как и в случае с М-моделью МЕХАНИЗМА, метафорические осмысления власти в рамках М-модели СТРОИТЕЛЬСТВА последовательны и непротиворечивы, а осмысления бизнеса неоднородны. Государственная власть в терминах М-модели СТРОИТЕЛЬСТВО интерпретируется как «несущая конструкция» и как «крыша».

- Новый правящий класс завершил освоение «захваченного» политического и экономического пространства. Все четче прорисовывается политическая иерархия во главе с президентом. Ее **несущей конструкцией** стали финансово-силовые группировки, включающие ФПГ с «близкими» к ним фрагментами силовых структур и региональных элит. [Дискин И., «Политком», 06.01.03]

В то же время бизнес-сообщество, с одной стороны, является «опорой» российской экономики, но, с другой, — «карточным домиком», который в один момент может быть разрушен.

- Но те, кто затеял эту акцию, тоже очень хорошо понимают, что олигархи — одна из **основных и узловых опор** не только власти сегодняшней, но всей нашей жизни. [Е. Костюк, «Время МН», 30.07.03]

- Социологические опросы показывают – народ уже вполне терпимо относится к бизнесу мелкому, но по-прежнему не переваривает бизнес крупный. И как только в очередно раз появляется ощущение (хоть и ошибочное!), что в вопросах «большой собственности» царит неопределенность, тут же начинает задуть левый ветер. Он каждый раз оказывается слабым – но если он один раз дунет во всю силу, **карточный домик** российского капитализма рухнет что в Иркутске, что в Москве. [«Время МН», 22.07.03]

Явное противоречие и непоследовательность в описании крупного бизнеса в терминах М-модели СТРОИТЕЛЬСТВО свидетельствует об отсутствии четкого понимания роли большого бизнеса в социально-экономической и политической жизни страны: либо бизнес – это основа дальнейшего развития, либо нечто нестабильное, зависящее от политической конъюнктуры.

Стоит сказать несколько слов о соотношении М-моделей МЕХАНИЗМА и СТРОИТЕЛЬСТВА в текстах по теме «Большой бизнес и власть». Если обратиться к рис. 17, на котором представлен рейтинг всех М-моделей, найденных в текстах по данной теме, можно увидеть, что число вхождений М-модели МЕХАНИЗМА в два раза превышает число вхождений М-модели СТРОИТЕЛЬСТВО. Это вполне объяснимо в том плане, что СТРОИТЕЛЬСТВО в общем случае (это также подтверждают данные по политическому дискурсу эпохи перестройки) описывает состояние, в то время взаимодействие бизнеса и власти является динамичным процессом, поэтому при метафорическом осмыслении данной реалии в дискурсе чаще употребляется М-модель МЕХАНИЗМА.

Следующей в составленном рейтинге М-моделей идет М-модель ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, обладающая значительным потенциалом профилирования тех или иных свойств сферы политики. Одно из таких свойств – идея воздействия. В текстах общественно-политической проблематики объектами воздействия выступают не только те или иные политические процессы, но политические субъекты. Так, некоторые процессы интерпретируются как «инструменты», с помощью которых можно изменить существующее положение вещей. Например, в дискурсе пересмотр итогов приватизации является *мощным инструментом давления* на непокорных олигархов.

- Фактически за приватизационную амнистию ратуют Михаил Касьянов и министр экономического развития Герман Греф. Если не объявить такую амнистию, пересмотр итогов приватизации превращается в **мошный инструмент давления** на впавших в немилость бизнесменов. [*«Коммерсант»*, 18.07.2003]

Семантически М-модель ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ связана с М-моделью ТОРГОВО-ВЛИ в том смысле, что в процессе купли-продажи присутствует сущность, которая концептуализируется как «объект-предмет». В качестве объекта купли-продажи рассматриваются представители властных структур. Так, премьер-министра, правительство, депутатов можно «приватизировать», предметом торговли могут стать также правовые нормы и государственная собственность, которую бизнес и власть «выхватывают друг у друга».

- **Олигархи купили министров**, торгуются с Кремлем, налоги платят, когда хотят, а не хотят – реструктурируют. [*Доренко С.*, «Завтра», 13.08.03]
- **Скупкой же депутатов**, чего, собственно, Михаил Ходорковский и не скрывает, они занимаются затем, чтобы обеспечить прохождение нужных им экономических законов [*Смирнов К.*, «Коммерсант», 14.07.03].
- Можно констатировать, что олигархи, завершив первичную приватизацию основных объектов национальной экономики, перешли к своего рода **приватизации политико-властного пространства России**. [*Смирнов К.*, «Коммерсант», 14.07.03]

Существуют некоторые метафорические модели, которые практически не имеют собственных дескрипторов, то есть дескрипторы этих моделей полностью совпадают с дескрипторами других М-моделей. Подобные М-модели получили названия **моделей-конstellаций**¹. Именно к таким моделям относится М-модель ОГРАНИЧИТЕЛЬ, дескрипторы которой образованы из дескрипторов таких моделей, как ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, ПРОСТРАНСТВО, МЕХАНИЗМ, БОЛЕЗНЬ и т.д. Данная модель несет в себе идею ограничения действий, мышления отдельных субъектов, а также воздействия на их способность к восприятию. В дискурсе изучаемой темы с помощью этой

¹ Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН, сер. Литературы и языка, 2004, № 1.

М-модели последовательно интерпретируются действия бизнес-сообщества и его влияние на развитие страны: влияние олигархов на политику – это «бремя», которое несет на себе российская экономика, дело ЮКОСа – это «воронка», «паралич», «тормоз» для развития экономики.

- Сам конфликт – это уже не просто противостояние ЮКОСа и силовиков. Он превращается в конфликт между силовиками и крупным бизнесом, потому что постепенно ситуация начинает выходить из-под контроля. Причем непонятно, кто арбитр. Появляется **воронка**, которая затягивает всех участников конфликта. [Мигалин С., «Независимая газета», 04.08.2003]
- Одной из главных и самых первых задач, которую поставила перед собой новая российская власть, было освобождение страны от тяжкого **бремени «олигархической власти»**. [Рыклин А., «Еженедельный журнал», 21.01.2003]

Негативные свойства, высвечиваемые М-моделью ОГРАНИЧИТЕЛЯ, касаются не только бизнеса, но и власти. Действия власти, направленные на борьбу с олигархами, тоже являются ограничителем для развития экономики страны:

- Мы предполагали, что будет «наезд» на очередную финансово-экономическую группировку. Но не думали, что он приобретет такие варварские формы, – к удивлению собравшихся в офисе Интерфакса, заметил вчера Зюганов. – Я не хочу никого защищать, но хочу сказать, что такого рода действия не только дестабилизируют обстановку, они вносят полный хаос и могут **парализовать финансы и экономику**. [Садчиков А., «Известия», 31.07.03]

Таким образом, М-модель ОГРАНИЧИТЕЛЬ концептуализирует как бизнес, так и власть. Стоит особенно отметить, что в дискурсе эпохи перестройки данная М-модель тоже присутствует, но доля метафор ОГРАНИЧИТЕЛЯ в перестроечном дискурсе намного ниже, чем в текстах по изучаемой теме, что еще раз подчеркивает конфликтность взаимоотношений между участниками.

Рассмотрим подробнее М-модель ПЕРСОНИФИКАЦИИ, которая занимает второе место в рейтинге (см. рис. 14). С языковой точки зрения, высокая частота употребления М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИЯ связана с тем, что она часто используется в дискурсе как фоновая модель. К фоновым относятся такие М-модели, употребление которых в дискурсе предполагается «по умолчанию» при использовании других моделей. Так, М-модель ВОЙНЫ в метафорах типа *война законов* предполагает, что законы — это участники военных действий. При этом в фокусе внимания оказывается метафора ВОЙНЫ, а М-модель ПЕРСОНИФИКАЦИИ используется говорящим вынужденно, «по умолчанию». В этом особенность фонового употребления метафорических моделей.

Аналогично в контексте *ЮКОС воюет с властью* М-модель ПЕРСОНИФИКАЦИИ оказывается фоновой для М-модели ВОЙНА. Действительно, с одной стороны, ЮКОС и власть описаны как одушевленные субъекты, поэтому в данном контексте использована М-модель ПЕРСОНИФИКАЦИИ. С другой стороны, в фокусе внимания находятся ЮКОС и власть. Они являются участниками военного конфликта. Употребление М-модели ВОЙНЫ в данном контексте влечет употребление М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ.

Данная М-модель может выступать и как фоновая М-модель, и как фигурная. Фигурная М-модель, в отличие от фоновой, используется говорящим сознательно. Она обязательно находится в центре внимания в дискурсе. В рассмотренных примерах фигурной моделью является М-модель ВОЙНЫ¹.

Использование метафоры ПЕРСОНИФИКАЦИИ в качестве фигурной иллюстрирует следующий пример:

- Наметилась еще одна позитивная тенденция у лидеров крупного капитала: они не пытаются подкупить Президента, а пробуют идти по известному цивилизованному миру пути обеспечения собственной безопасности и усиления собственного влияния, консолидации бизнеса как корпорации для **диалога с властью** в качестве партнера. [Мигранян А., «Российская газета», 12.08.03]

¹ Противопоставление фоновых и фигурных метафор аналогично принятой в когнитивной психологии оппозиции фона и фигуры. См. подробное описание фоновых и фигурных метафор в Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2004, Том 63, № 1, с. 33-43.

В данном контексте М-модель ПЕРСОНИФИКАЦИЯ представлена как фигурная, поскольку она не является следствием других М-моделей, использованных в данном примере. Использование ПЕРСОНИФИКАЦИИ как фигурной М-модели имеет следующие следствия: политическим субъектам (в данном случае, бизнесу и власти) приписываются собственно человеческие свойства – когнитивные способности, а именно, способность мыслить, принимать решения, способность вести диалог и т.д.

В целом в качестве фигурной М-модель ПЕРСОНИФИКАЦИИ представлена в текстах 55 раз, что несколько больше, чем количество употребления данной М-модели как фоновой (40). Пик употребления указанной М-модели как фигурной приходится на 28 неделю (7-13 июля). Именно в это время произошли ключевые события, которые во многом обозначили проблему во взаимоотношениях большого бизнеса и власти. В момент кризиса стороны выступают как политические субъекты, готовые использовать свои интеллектуальные ресурсы для решения проблемы. На 29 неделе (14-20 июля) происходит резкий спад частоты употребления ПЕРСОНИФИКАЦИИ как фигурной М-модели, при этом количество фоновых метафор увеличивается. В качестве гипотезы можно предположить, что сторонам просто не хватает «интеллектуальных ресурсов» для того, чтобы разрешить проблемную ситуацию. В силу этого привлекаются дополнительные ресурсы: стороны начинают «воевать», «играть» или «наезжать» друг на друга. Во-вторых, поскольку ПЕРСОНИФИКАЦИЯ служит фоном сразу для нескольких М-моделей (например, ВОЙНА, ИГРА, ТЕАТР, СПОРТ и т.д.), увеличение количества контекстов с фоновой ПЕРСОНИФИКАЦИЕЙ свидетельствует о возрастании количества других М-моделей, используемых в дискурсе. Это говорит о том, что проблема не решена, более того, имеется потенциал для усиления конфликта.

Теперь подробнее остановимся на том, какие следствия имеет М-модель ПЕРСОНИФИКАЦИИ в качестве фигурной. Основное противопоставление, на котором строится вся модель – это противопоставление человека активного и человека пассивного. В исследуемом дискурсе в роли человека, на которого оказывают воздействие, в основном выступает бизнес-сообщество.

- Никто не сомневается в том, что **руку на олигархов поднял Кремль**. Еще конкретнее – руководит процессом администрация президента. Еще конкретнее – санкция на это получена у самого Владимира Владимировича. [Коньков Н., «Завтра», 10.07.03]

В то же время и бизнес, и власть практически в одинаковой мере могут занимать активную позицию и сами оказывать воздействие на ситуацию.

- **«Бизнес-сообщество» было настроено решительно и пообещало** в течение трех месяцев представить правительству собственную программу. [Красников Е., «Московские Новости», 24.03.03]
- Тем не менее устами президента Путина **государственная власть сделала заявление** о недопустимости пересмотра итогов приватизации, то есть **еще раз подчеркнула** целенаправленный характер осуществленного в 1992-1998 гг. и дискриминационного по отношению к русским передела бывшей общенародной собственности СССР на территории Российской Федерации. [Савин А., «Завтра», 08.04.03]

Бизнес персонифицируется в среднем в 1,5 раза чаще, чем власть, то есть бизнесу чаще, чем власти, приписываются когнитивные способности человека. Так, в большинстве контекстов именно бизнес выступает как «человек, наделенный способностью мыслить» и «человек, принимающий решения».

- Но фактически **бизнес** под «отказом от пересмотра итогов приватизации» **имел в виду** именно отказ от ревизии крупных сделок (всем ясно, что многочисленные парикмахерские и магазины деприватизированы не будут). [Становая Т., «Политком», 21.07.03]
- Если верить СМИ, главный мессидж обращения состоит в том, что **крупный бизнес считает** необходимым сохранить политическую стабильность и не допустить пересмотра итогов приватизации. [Серова Н., «Политком», 14.07.03]

Таким образом, частая персонификация бизнеса и большее количество упоминаний концепта «бизнес» указывает на то, что эта категория оказывается центральной категорией политического дискурса, в отличие от власти.

С М-моделью ПЕРСОНИФИКАЦИИ напрямую связана М-модель ДИАЛОГА, поскольку с её помощью бизнесу и власти приписывается характерная для одушевленных субъектов способность быть участником коммуникации. ДИАЛОГ несет в себе идею стремления к компромиссу между бизнесом и властью. Однако низкая относительная частота употребления этой М-модели (ее доля составляет порядка 1%) указывает на то, что в общественном сознании (преломленном через дискурс СМИ) достижение компромисса вряд ли возможно. Следствия этой М-модели в текстах определяются рядом факторов, в том числе периодом конфликта. Так, в докризисный период и бизнес, и власть стремятся к совместному диалогу:

- Бизнес-сообщество дозрело до того, чтобы строить отношения с государством честно и открыто. Думаю, что и государство стремится к тому же. Более того, российский бизнес считает необходимым – с учетом мирового опыта – создавать совместные с государством структуры для осуществления консультаций, реализации совместных программ и проектов. Такие структуры должны получить правовую основу, а **диалог между государством и бизнесом** должен стать постоянным. В частности, РСПП считает, что было бы правильным и своевременным создание национального совета по административной реформе при президенте. [Калашникова Н., «Итоги», 08.04.03]

На первом этапе конфликта усиливается стремление к диалогу именно со стороны бизнеса как реакция на силовые действия власти. Крупные собственники стремятся договориться о правилах игры, предлагая финансовую поддержку власти в обмен на часть ее символического капитала и прекращение дискуссий о переделе собственности. Со своей стороны, власть не идет на встречу олигархическому капиталу, не инициирует диалога, демонстрируя тем самым силу своей позиции. И наоборот, попытки бизнеса наладить диалог интерпретируются как показатель слабости позиции бизнес-сообщества. Предложение диалога больше похоже на коммерческую сделку – обмен части накопленного капитала на благоволение власти.

- Прежде всего это предложение начать **диалог о правилах игры**, которые должен соблюдать и крупный бизнес, и власть. Повторяю, произошел некий срыв, но это не означает, что сам алгоритм взаимоотношений бизнеса и власти поломан. [Йогансен Н., «Итоги», 15.07.03]

- Таким образом, бизнес стремится к **диалогу** – видимо с тем, чтобы «обменять» уступки в отношении государства на законодательное закрепление незыблемости крупных приватизационных сделок. [Становая Т., «Политком», 21.07.03]
- Озабоченные своим будущим предприниматели предлагают президенту «новый общественный договор». Суть его: государство окончательно и бесповоротно подводит черту под прошлым и выписывает индульгенцию участникам приватизации. В **обмен на это** «бизнес-сообщество возьмет на себя социальные и этические обязательства». Состоится ли «**ченч**», никто предсказать не берется: президент как верховный арбитр продолжает хранить молчание – качество, свойственное Владимиру Путину и в иных острых ситуациях. [Гук С., «Время МН», 23.07.2003]

Тем не менее, к возможности налаживания и ведения полноценного диалога между крупным бизнесом и государством СМИ относятся скептически:

- Значит, «лужковская логика» – взаимные уступки, а в итоге компромисс. «Гнилой компромисс», других не бывает. **ЮКОС умерит свои политические аппетиты** <...>, а государство **оттаскивает прокуратуру**, **выпускает горло ЮКОСа**. [Радзиховский Л., «Политком», 03.07.03]

2.5. Количественные характеристики метафорических моделей

Количественные характеристики метафорических моделей позволяют описать ряд важнейших свойств метафор в изучаемом дискурсе и установить типичные метафоры, демонстрирующие особенности употребления М-моделей в данном типе дискурса. Рассмотрим последовательно эти количественные параметры.

2.5.1. Денотативное разнообразие (D-variety)

Параметр денотативного разнообразия показывает, насколько широко используются дескрипторы той или иной М-модели для описания различных общественно-политических реалий. Так, например, с помощью сигнификативного дескриптора «игрок» М-модели ИГРА описываются сразу несколько участни-

ков конфликта, а именно: олигархи как класс крупных собственников, олигархи по отдельности, представители силовых ведомств, Генеральная прокуратура, представители властных структур, президент и др.

Количественно денотативное разнообразие можно определить, выявляя, сколько приходится в среднем на один сигнификативный дескриптор уникальных денотативных дескрипторов в множестве реализаций данной М-модели в дискурсе:

$$D - \text{variety} = \frac{D_n}{S_n},$$

где D_m – количество уникальных денотативных дескрипторов (общественно-политических реалий), которые попадают под действие М-модели, S_m – количество уникальных сигнификативных дескрипторов М-модели.

Таблица 8

Параметр денотативного разнообразия для 10 наиболее частотных метафорических моделей темы «Большой бизнес и власть»

М-модель	D-variety
война	1,13
персонификация	1,03
ограничитель	0,94
пространство	0,92
театр	0,88
преступный мир	0,85
геометрия	0,83
игра	0,77
объект-предмет	0,73
механизм	0,63

В целом следует отметить, что абсолютные значения показателей денотативного разнообразия М-моделей невысоки. Это связано с тем, что для исследования была взята весьма узкая проблемная область, включающая в себя только одну тему – «Большой бизнес и власть». Однако даже в пределах этой области некоторые М-модели, а именно **ВОЙНА**, **ПЕРСОНИФИКАЦИЯ**,

ОГРАНИЧИТЕЛЬ, ПРОСТРАНСТВО, более разнообразны с точки зрения данного параметра, т. е. их роль в осмыслении характера взаимоотношений бизнеса и власти намного выше, чем остальных М-моделей. В частности, лидерство М-модели ВОЙНА по данному показателю еще раз подтверждает конфликтный характер взаимоотношений. Следует особо отметить, что показатель денотативного разнообразия М-модели не зависит от абсолютной частоты встречаемости ее в выборке.

Так, М-модель ОГРАНИЧИТЕЛЬ (бизнес как «тормоз» экономического развития, «налоговое бремя»), занимая 10 место по частоте, обладает одним из самых высоких показателей денотативного разнообразия. Следовательно, эта М-модель широко используется для интерпретации взаимоотношений большого бизнеса и власти, т. е. обладает **большим** потенциалом в осмыслении конфликта, чем одна из самых частотных М-моделей ИГРА. Этот факт в очередной раз подтверждает вывод о том, что в сложившейся конфликтной ситуации ни бизнес, ни власть не идут навстречу друг другу. Их действия направлены не на разрешение конфликта, а, напротив, на дальнейшее ухудшение ситуации, поскольку ни бизнес, ни власть не ищут пути выхода из сложившейся ситуации. Их действия ограничивают круг возможностей для разрешения конфликта.

2.5.2. Сигнификативное разнообразие (S-variety)

Если выбрать обратный путь исследования — от явлений действительности к тем метафорическим моделям, с помощью которых эти явления интерпретируются — можно ввести противоположный параметр — **сигнификативное разнообразие**, который характеризует указанные общественно-политический реалии с точки зрения количества разнообразных метафор, использованных для их осмысления.

Количественно сигнификативное разнообразие определяется как отношение числа различных денотативных дескрипторов в данной целевой области к числу различных сигнификативных:

$$S - \text{variety} = \frac{S_n}{D_n},$$

где D_n — число уникальных денотативных дескрипторов данной целевой области, S_n — число различных сигнификативных дескрипторов, которые используются для описания реалии исследуемой целевой области.

Для исследования сигнификативного разнообразия целевой области были выбраны четыре концептуальные переменные (реалии), которые используются в контекстах с наибольшей частотой: «бизнес», «власть», «взаимоотношения между бизнесом и властью» и «конфликт между бизнесом и властью». Результаты для четырех концептуальных переменных представлены в табл. 9.

Таблица 9

Параметр сигнификативного разнообразия для концептуальных переменных «бизнес», «власть», «взаимоотношения между бизнесом и властью» и «конфликт между бизнесом и властью»

Концептуальная переменная	S-variety
конфликт	19
взаимоотношения	10
власть	2,60
бизнес	2,18

На основе параметра сигнификативного разнообразия отчетливо выделяются три кластера концептуальных переменных: «взаимоотношения бизнеса и власти», «конфликт между бизнесом и властью» и «бизнес — власть». В некотором смысле этих кластеров два, поскольку семантически конфликт можно рассматривать как тип взаимоотношений между бизнесом и властью. Поэтому мы ограничимся рассмотрением двухкластерной системы. Отчасти это связано с тем, что последний кластер включает в себя участников коммуникации, а первый — тип взаимоотношений между участниками данной коммуникации.

Данный параметр напрямую связан с тем, какое внимание уделяется той или иной реалии в СМИ, т.е. можно говорить о понятии **центральности** переменной в дискурсе: чем выше значение S-variety, тем больше внимания в СМИ уделяется концептуальной переменной. В нашем случае по абсолютным значениям лидирует концептуальная переменная «конфликт между бизнесом и властью», следовательно, именно она является дискурсообразующей. Иными словами, СМИ в дискуссии по проблеме «большой бизнес и власть» основной акцент делают на их взаимоотношениях, причем характер этих отношений очевидно конфликтный. Сами участники этих взаимоотношений как таковые менее интересны СМИ, но в то же время «власть» несколько опережает «бизнес» по данному параметру, так как изначально является активной стороной.

В рамках когнитивной теории метафоры понятие центральности переменной в дискурсе имеет несколько иную трактовку: **центральность** переменной определяется количеством М-моделей, которые используются для ее осмысления, т.е. чем больше число различных М-моделей, которыми описывается концептуальная переменная, тем более центральной она является и тем больше внимание СМИ уделяют этой концептуальной переменной. Поэтому при анализе концептуальных переменных с этой точки зрения вырисовывается несколько иная картина.

Концептуальная переменная «бизнес» описана в терминах всех 37 М-моделей. Из 376 контекстов 61 приходится на М-модель ВОЙНЫ, 61 – ИГРЫ, 59 – ПРЕСТУПНОГО МИРА. Следующие за ними М-модели МЕХАНИЗМ, ГЕОМЕТРИЯ и ДИАЛОГ, имеют частоту почти в три раза меньше.

В то же время концептуальная переменная «власть» описана 31 М-моделью. Однако разница между двумя переменными незначительная, так как достигнута в основном за счет редко встречающихся М-моделей с низкой частотой появления. На 204 метафоры по отношению к концепту «власть» 52 приходится на М-модель ПРЕСТУПНОГО МИРА, 51 – ИГРЫ, 48 – ВОЙНЫ. Таким образом, и «бизнес», и «власть» являются в одинаковой степени центральными в обсуждении, но характер обсуждения их различный. В описании обеих концептуальных переменных лидируют конфликтные метафорические модели, но количество конфликтных М-моделей при описании концептуальной переменной «бизнес» на 13% меньше, чем при описании «власти», причем при описании последней очевидно доминирование М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР, за счет которой увеличивается количество конфликтных метафор в осмыслениях категории «власть».

В исследуемых контекстах при описании концептуальной переменной «конфликт между бизнесом и властью» были использованы 11 метафорических моделей. Естественно, что доля конфликтных М-моделей в описании указанной переменной чрезвычайно велика. Можно сказать, что данная концептуальная переменная описана исключительно конфликтными моделями – они составляют 83% (на 81 метафору 67 конфликтных). Обращает на себя внимание доминирование М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР. Иными словами, столкновение интересов представителей крупного бизнеса и действующей власти в метафорическом осмыслении интерпретируется как криминальная разборка. Как следствие, ее участники выбирают для решения поставленных задач соответствующие методы, не имеющие ничего общего с законом.

На основании приведенных выше данных о количестве М-моделей в описании указанных К-переменных можно сделать следующие выводы:

- конфликт между бизнесом и властью с точки зрения понятия центральности находится на периферии. Это объясняется тем, что в обществе (в интерпретации СМИ) достигнут некоторый когнитивный консенсус относительно метафорического осмысления самого конфликта. Он однозначно интерпретируется в рамках конфликтных М-моделей. Несколько иная ситуация с участниками конфликта – их роли осмысляются и переосмысляются с помощью разных метафорических моделей. В этом смысле этих концептуальные переменные более центральны;
- аналогичные выводы можно сделать, анализируя концептуальную переменную «взаимоотношения между бизнесом и властью». В дискурсе относительно данного концепта тоже существует относительное взаимопонимание, точнее превалирует точка зрения, согласно которой взаимоотношения носят исключительно конфликтный характер.

2.5.3. Денотативная стабильность метафорической модели (D-stability)

Еще один параметр, характеризующий метафорические модели, это параметр **стабильности денотативных отображений**, который показывает, насколько единообразно общественно-политические реалии из проблемной области осмысляются с помощью той или иной метафорической модели.

Стабильным денотативным отображением М-модели называется регулярно встречающаяся в текстах **пара отображений <сигнификативный дескриптор_i, денотативный дескриптор_j>**. Так, например, в рамках М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР сигнификативный дескриптор «заложник» употребляется для описания представителей бизнес-сообщества 4 раза, т.е. стабильным денотативным отображением М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР является следующая пара дескрипторов: <заложник, бизнес-сообщество>. Таким образом, в рамках указанной М-модели дескриптор заложник относительно последовательно (стабильно) употребляется для характеристики бизнесменов.

Количественно параметр D-stability можно определить как отношение количества повторяющихся пар <сигнификативный дескриптор_i, денотативный дескриптор_j> к общему количеству всех пар (как повторяющихся, так и уникальных).

Рассмотрим процедуру подсчета данного параметра на примере М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР. Общее количество всех пар дескрипторов равно 62, большинство из них являются повторяющимися. Так, пара <наезд, конфликт между бизнесом и властью> встречается 39 раз, пара <бизнес, заложник> – 4 раза, пара <накат, конфликт между бизнесом и властью> – 3 раза. Таким образом, общее количество повторяющихся пар равно 46, а значение параметра – 74%. Чем больше количество стабильных (повторяющихся) пар, тем выше денотативная стабильность М-модели. Значения указанного параметра для 10 наиболее частотных М-моделей представлены в табл. 10.

Таблица 10

Параметр денотативной стабильности для 10 наиболее частотных метафорических моделей дискурса темы «Большой бизнес и власть»

М-модель	D-stability
геометрия	81%
преступный мир	74%
игра	68%
пространство	58%
персонификация	56%
война	53%
театр	40%
механизм	34%
объект-предмет	24%
ограничитель	10%

Из таблицы видно, что самый высокий параметр денотативной стабильности имеет М-модель ГЕОМЕТРИЯ. Это объясняется тем, что в изучаемом дискурсе почти 75% всех дескрипторов М-модели ГЕОМЕТРИЯ составляет дескриптор «равноудаленность», с помощью которого описана ситуация, когда представители бизнес-сообщества не обладают доступом к властным ресурсам, таким образом, пара <равноудаленность, равенство олигархов в невозможности доступа к власти> является стабильной для М-модели ГЕОМЕТРИЯ в дискурсе. Кроме того, увеличение значения параметра денотативной стабильности объясняется еще и тем, что данная метафорическая модель представлена в обсуждаемом дискурсе исключительно дескрипторами «равноудаленность», «вертикаль»

и «моноцентрическая система». Иными словами, сам набор дескрипторов беден, а метафорическая проекция из сферы источника фрагментарна¹. Это приводит к столь высокому значению рассматриваемого параметра.

Далее следуют М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР и ИГРА. Высокий уровень денотативной стабильности этих М-моделей подтверждает вывод о том, что взаимоотношения бизнеса и власти, а также участники этих взаимоотношений осмысляются в терминах ПРЕСТУПНОГО МИРА и ИГРЫ. Самый низкий параметр денотативной стабильности имеет М-модель ОГРАНИЧИТЕЛЬ. Это вполне объяснимо, если принять во внимание специфику данной М-модели. Она не имеет четко очерченного набора сигнификативных дескрипторов, поскольку ограничителем может оказаться любая сущность, потенциально способная ограничивать процесс принятия решений. В силу этого вероятность повторения соответствующих пар отображений относительно невелика. Тем не менее, некоторые отображения этой М-модели вполне регулярны. К ним относятся, например, такие пары, как <бремя, налоги>, <тормоз, олигархия>, но их не достаточно для того, чтобы повысить значение обсуждаемого параметра.

Параметр денотативной стабильности метафорической модели напрямую связан с тем, можно ли отнести М-модель к дискурсивным практикам изучаемого дискурса. Под **дискурсивной практикой в сфере метафорики** понимается устойчиво повторяющаяся в дискурсе связь области источника и области цели, т.е. метафорических моделей и тех общественно-политических реалий, которые описываются с помощью соответствующих М-моделей. В терминах дескрипторной теории метафоры определение можно сформулировать следующим образом: дискурсивная практика — это регулярно воспроизводящаяся в дискурсе пара <сигнификативный дескриптор₁, денотативный дескриптор₂>.

Содержательно М-модели, являющиеся дискурсивными практиками, играют ключевую роль в формировании политического дискурса, определяя основные способы осмысления действительности. Отнесение М-модели к дискурсивным практикам напрямую связано с показателем денотативной стабильности М-модели (показатели этого параметра приведены в табл. 10).

¹ См. по проблеме фрагментарности метафорического структурирования Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980, с.52 и далее.

Итак, параметр денотативной стабильности учитывает только самые устойчивые, самые частотные в рамках М-модели пары типа <сигнификативный дескриптор_i, денотативный дескриптор_j>. Следовательно, чем выше этот параметр, тем с большей уверенностью можно утверждать, что М-модель является дискурсивной практикой, а поэтому весьма вероятно, что дискурс формируется именно с помощью данной М-модели и именно в терминах этой М-модели осмысливаются основные общественно-политические реалии. Применительно к исследуемой проблематике к дискурсивным практикам относятся следующие М-модели (даны в порядке убывания показателя D-stability): ГЕОМЕТРИЯ, ПРЕСТУПНЫЙ МИР, ИГРА, ПРОСТРАНСТВО, ПЕРСОНФИКАЦИЯ, ВОЙНА. Заметим, что категория дискурсивной практики является междисциплинарным феноменом и требует учета разнообразных факторов — лингвистических, исторических, культурных, психологических и т.д.¹

Теперь рассмотрим каждую из указанных М-моделей в отдельности и подробнее остановимся на том, какие именно соответствия <сигнификативный дескриптор_i, денотативный дескриптор_j> являются наиболее частотными (в процентах указан вклад наиболее «стабильной» пары в общее число реализаций М-модели в дискурсе).

В рамках М-модели ГЕОМЕТРИЯ наиболее частотной является пара <равноудаленность, равенство олигархов в невозможности доступа к власти> — 19 вхождений (58%).

В рамках М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР лидирующее место занимает пара <наезд, конфликт между бизнесом и властью> — всего 40 вхождений (65%).

М-модель ИГРА имеет следующие стабильные способы описания действительности: <игра, взаимодействие бизнеса и власти> — 16 вхождений (18%), <игра по правилам, взаимодействие бизнеса и власти> — 31 вхождение (34%).

М-модель ВОЙНА: <атака, претензии власти к бизнесу и дело ЮКОСа> — 24 вхождения (25%).

¹ Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН, сер. Литературы и языка, № 1.

Таким образом, самым устойчивым соответствием в дискурсе темы «бизнес и власть» является пара дескрипторов <наезд, конфликт между бизнесом и властью>, которая является реализацией M-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР.

2.5.4. Сигнификативная стабильность элементов области цели (S-stability)

Если исследовать метафорику дискурса с точки зрения области цели, т.е. общественно-политических реалий, можно ввести параметр сигнификативной стабильности данной проблемной области.

Количественно параметр S-stability определяется как отношение количества повторяющихся пар <денотативный дескриптор, сигнификативный дескриптор_i> к общему количеству всех пар (как повторяющихся, так и уникальных). Следует отметить, что способ вычисления этого параметра такой же, как и для параметра D-stability, только за основу берется не M-модель, а концептуальная переменная.

В качестве концептуальных переменных были взяты те концептуальные переменные, которые использовались для подсчета параметра сигнификативного разнообразия — «бизнес», «власть», «взаимоотношения большого бизнеса и власти», «конфликт между бизнесом и властью». Значения параметра S-stability для указанных k-переменных приведены в табл. 11:

Таблица 11

Параметр сигнификативной стабильности для концептуальных переменных «бизнес», «власть», «взаимоотношения между бизнесом и властью» и «конфликт между бизнесом и властью»

к-переменная	S-stability
конфликт	97%
взаимоотношения	91%
власть	30%
бизнес	27%

Данные показателя сигнификативной стабильности полностью коррелирует с данными параметра сигнификативного разнообразия, тем самым еще раз подтверждается тот факт, что сам по себе конфликт находится в центре внима-

ния СМИ, являясь дискурсообразующим, а позиции участников находятся на втором плане дискуссии, но с небольшим перевесом в сторону власти.

Подводя итог анализу количественных характеристик метафорических моделей дискурса по теме «Большой бизнес и власть», следует еще раз обратить внимание на следующее:

- Метафорические модели ВОЙНА, ОГРАНИЧИТЕЛЬ и ПРОСТРАНСТВО играют основную роль в осмыслении характера взаимоотношений крупного бизнеса и власти; это, кроме всего прочего, подтверждается параметром денотативного разнообразия — конфликтные М-модели регулярно используются в метафорическом осмыслении обсуждаемой темы.
- В центре обсуждения данного дискурса стоит именно сам конфликт между бизнесом и властью, последовательно описываемый в терминах М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР, т.е. как криминальная разборка с выбором соответствующих методов урегулирования ситуации, как властью, так и бизнесом.
- С точки зрения центральности (то есть разнообразия метафорического осмысления) конфликт между бизнесом и властью оказывается периферийным концептом, что противоречит данным параметров денотативного разнообразия и сигнификативной стабильности. Между тем это противоречие кажущееся, поскольку низкое значение параметра центральности указывает на то, что в обществе существует консенсус в восприятии отношений бизнеса и власти: они однозначно интерпретируются как конфликт.
- Метафорические модели, являющиеся дискурсивными практиками, вносят основной вклад в формирование политического дискурса по изучаемой тематике. Проведенное исследование показывает, что дискурсивными практиками являются реализации **конфликтных** М-моделей, среди которых лидирующее место по числу устойчивых пар <сигнификативный дескриптор, денотативный дескриптор> занимает М-модель ПРЕСТУПНЫЙ МИР.

Проведенный анализ метафорики политического дискурса по теме «Большой бизнес и власть» позволяет сделать некоторые выводы, которые в первую очередь касаются самого обсуждения соответствующей проблематики в СМИ. Кроме того, согласно когнитивной теории метафоры, использование того или иного типа метафорической модели указывает на особенности мышления автора текста, и шире — особенности мышления социума, которые так или иначе отражают СМИ.

Исследование метафорики показывает, что самая существенная характеристика дискурса по данной проблеме — это его конфликтность, отражающаяся в очевидном доминировании конфликтных М-моделей ВОЙНЫ, ИГРЫ и ПРЕ-СТУПНОГО МИРА. Эти метафорические осмысления представляют взаимоотношения власти и бизнес-сообщества как конфликт двух противников:

- **Война**, затеянная против ЮКОСа, ломает так называемую стабильность, меняет политический климат, пугает элиты, напрягает Запад и ведет если не к пересмотру итогов приватизации, то в любом случае — к изменению расстановки политических сил. [Костюк Е., «Время МН», 30.07.03]
- До вчерашнего дня складывалось впечатление, что **неспортивный матч между ЮКОСом и объединенной командой Генеральной прокуратуры и ФСБ идет в одни ворота, голы забивали ЮКОСу**. [«Коммерсант», 17.07.03]
- Вот уже вторую неделю воображение россиян будоражат сообщениями о **«наезде»** на тех, кто еще вчера казался неуязвимым, — на самых богатых и удачливых. [Вошанов П., «Новая Газета», 21.07.2003]

Конфликтные метафоры составляют более трети в общем объеме метафор, что говорит как о высоком уровне противостояния между участниками, так и о стремлении СМИ отобразить общественные настроения. При этом, разумеется, происходит и формирование вполне определенного отношения аудитории к конфликту, то есть влияние не однонаправленное: общество ⇒ СМИ, а двунаправленное — общество ⇔ СМИ. Интересно, что в докризисный период эти метафорические модели уступают по частотности М-моделям ПРОСТРАНСТВА

и ГЕОМЕТРИИ. Это связано с тем, что с начала года до середины лета в прессе идут лишь дискуссии о роли олигархов в политической жизни страны в терминах М-моделей ПРОСТРАНСТВА и ГЕОМЕТРИИ («равноудаленность олигархов», «вертикаль власти», «моноцентрическая система»), обсуждается модель взаимоотношений власти и большого бизнеса в терминах М-модели ИГРЫ. Эту дискуссию трудно считать диалогом главных участников — бизнеса и власти, где каждый отстаивает свои позиции. Скорее, это монолог власти, которая волевым решением устанавливает положение олигархов в общественно-политической жизни страны. В июле власть, четко определив свою позицию по отношению к крупному капиталу, переходит к активным действиям, что приводит к увеличению числа конфликтных метафор в дискурсе.

Государственная власть оказывается в дискурсе центральным участником именно потому, что в терминах выделенных М-моделей она предстает как активный, ведущий достаточно агрессивную политику субъект, контролирующий ситуацию и направляющий ее развитие:

- Спланированная **массированная атака** на крупнейшую корпорацию страны — сама по себе значительный эпизод в российской истории вне зависимости от того, чем она закончится. [Костюк Е., «Время МН», 30.07.03]
- Они могут создать новую партию, они могут захватить власть в Госдуме, они достаточно контролируемые, эта игра все-таки с **доминирующим игроком-президентом**. [Варфоломеев В., «Эхо Москвы», 07.05.03]
- И, наконец, самое яркое и демонстративное проявление «сильного государства» — наблюдаемое нами сейчас **наступление силовых структур на большой бизнес**. Как отъезжавшее в шторм корабельное орудие, крушат силовики при молчаливом поощрении со стороны гаранта Конституции этот единственный успешно работающий сектор российской экономики, не особенно считаясь ни с законом, ни с интересами экономики, ни с опасностью окончательно загубить престиж страны на международной арене. [Кремлюк В., «Независимая Газета», 22.08.2003]
- По сути, — говорится в заявлении ЮКОСа, — не подчиняющаяся никому **Ген-прокуратура**, основной задачей которой должно являться соблюдение законности, сейчас **взяла заложника и начинает шантажировать частный бизнес**. [Фишман М., «Еженедельный журнал», 29.07.03]

Одновременно с этим в текстах власть достаточно часто описывается как пассивный участник, которым легко может манипулировать бизнес-сообщество:

- Можно констатировать, что олигархи, завершив первичную приватизацию основных объектов национальной экономики, перешли к своего рода **приватизации политико-властного пространства России**. [Смирнов К., «Коммерсант», 14.07.2003]

Тем не менее роли между участниками конфликта чаще всего распределяются так, что представители крупного бизнеса в целом, и отдельные олигархи, в частности, в большинстве случаев занимают оборонительную позицию по отношению к власти, они не иницируют никаких действий против нее, а лишь пытаются защищаться и отыгрываться. Пассивность бизнеса проявляется и в том, что он не иницирует никаких альтернатив выхода из сложившейся ситуации, тем самым, давая возможность власти навязывать свои правила игры.

- Отказа от участия большого бизнеса (причем не только ЮКОСа) в политике не последовало. Сама нефтяная **компания заняла оборону**, несмотря на умножающееся количество уголовных дел, о которых объявляет Генпрокуратура (впрочем, большинство из них составляют давние «висяки»). [Серова Н., «Политком», 28.07.03]
- Ходорковского бьют на глазах народа, как несправедного олигарха, **устраивая ему «Утро стрелецкой казни»**. Но при этом **на казнь** из толпы смотрят улыбающиеся Авен, Фридман, Дерипаска и Абрамович. Им нравится смотреть, как **царь-самодержец заваливает на плаху** сторонника парламентской республики и заносит над ним **сверкающий топор**. [Проханов А., «Завтра», 06.08.2003]

В то же время именно олигархи рассматриваются как угроза для экономического и политического развития страны, именно их деятельность вызвала к жизни данное противостояние и заставила власть быть агрессивной по отношению ко всему бизнес-сообществу.

- Впрочем, все это пока отвлеченные рассуждения. Но одна проблема, связанная с олигархами, требует немедленного решения уже сегодня. Подавляющее боль-

шинство российских магнатов получает сверхприбыли на добыче или переработке сырья. А **промышленность** России за редким исключением по-прежнему **лежит в руинах**. [Ростовский М., «Московский Комсомолец», 15.07.03]

С другой стороны, признается важность и значимость их деятельности для экономики, при этом четко осознаются последствия их постепенного равноудаления теми методами, которые используются правоохранительными органами.

- Пропагандистская мощь большого бизнеса пытается сегодня убедить общество в том, что олигархические бизнес-группы являются **«локомотивами российской экономики и реформ»** и что силовиков нужно остановить, иначе они разбалансируют всю систему власти. [Костиков В., «Аргументы и Факты», 16.07.03]

У данного конфликта нет развития как такового, он сводится исключительно к обмену ходами между противоборствующими сторонами. Причем не вполне ясно, что является предметом борьбы, он четко не обозначен в дискурсе, а описывается размытым понятием «правила игры». Хотя в прессе и высказываются различные гипотезы: крупные собственники борются за неизбежность итогов приватизации, проведенной в середине 90-х годов, а власть в лице Генеральной прокуратуры и других силовых ведомств выступает за равноудаленность олигархов, сведение на нет их политического влияния. Не исключается и гипотеза о перераспределении приватизированного между другими собственниками. Однако в явном виде эти интересы не заявляются сторонами, а скрыты в дискурсе за дискуссией о необходимости следовать правилам игры, установленным властью для бизнеса:

- Наконец, президент РСПП Аркадий Вольский после аудиенции у Путина разъяснил общественности, что развитие конфликта будет зависеть от «подтверждения **общих правил игры**». [Фишман М., «Еженедельный Журнал», 29.07.03]

Если наряду с группой конфликтных М-моделей рассматривать другие констелляции метафор, то в дискурсе о взаимоотношениях власти и бизнеса даже более частотной, чем метафоры конфликта, оказывается констелляция метафор нереального, в которую входят ТЕАТР, ИГРА, РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО. Доминируют

в этой констелляции М-модели ТЕТРА и ИГРЫ. В совокупности они составляют 120 употреблений, что превосходит даже М-модель ВОЙНЫ. В имеющихся текстах эти М-модели обращают внимание читателя на идею иллюзорности, нереальности происходящего, на существование какого-то сценария, по которому развивается конфликт. В качестве автора сценария выступает прокуратура и другие государственные ведомства:

- Госдума 2003-2007. ЦЕЛЬ кампании – контроль над парламентом на следующие четыре года. **Участники:** партии, президент, олигархи, Центральная избирательная комиссия, региональные элиты, избиратели. **Декорации:** война в Чечне и в Ираке, техногенные катастрофы, цена на нефть, внешний долг России, реформы ЖКХ, армии, передел собственности на недра, русская зима. **Режиссеры** и их планы «СИЛОВИКИ». Победу на выборах в Госдуму, по их расчетам, должна одержать «Единая Россия» (ЕР) с результатом не менее 50%. Председателем нижней палаты избирается Б. Грызлов. [Михайлов С., «Аргументы и факты», 12.02.03]
- Что касается олигархического капитализма или госкапитализма, потому что наши **олигархи** на самом деле **марионетки государства** и действуют только по воле государства. [Болтянская Н., «Эхо Москвы», 12.05.03]

Очень показательное присутствие в тройке лидеров М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР, придающей конфликту не просто криминальный оттенок, но и демонстрирующей, что и власть, и крупный бизнес действуют вне рамок закона, а по правилам, принятым в соответствующей среде. Это своего рода уникальная ситуация для политического дискурса в целом, и особенно для характеристики деятельности власти, говорящая о кризисе доверия общества к власти. Одновременно это соответствующая оценка выбранных ею методов управления.

- И есть третья позиция – самого Ходорковского, который не хочет уступать такому **«наезду»**, потому что один раз сдашься, потом будут приходить и говорить: мы твоя крыша – и действовать по известным законам. [«Независимая Газета», 04.08.03]
- Путин, запрещая олигархам лезть в политику, намекает им на печальную судьбу Березовского и Гусинского. Произносит поэтическую фразу: «Иных уж нет, а тех долечим...», прямо угрожая двинуть на непослушных магнатов

бульдозер прокуратуры. И вот уже ЮКОСу **ставят на грудь горячий утюг, втыкают в задний проход раскаленный паяльник**. Расторопные прокуроры сажают в каталажку Платона Лебедева, а Ходорковского на поводке ведут на допрос. [Проханов А., «Завтра», 29.07.2003]

Две конфликтные М-модели ВОЙНЫ и ПРЕСТУПНОГО МИРА имеют очевидные метафорические следствия в рамках взаимоотношений власти и большого бизнеса. Они представляют в прессе этот конфликт как вышедший за рамки действующего законодательства и развивающийся по законам военного положения и понятиям криминальных группировок. Так, в условиях военного времени происходит явное расширение полномочий органов исполнительной власти, усиление силовых и правоохранительных ведомств, которые при наличии государственной необходимости могут существенно ущемлять в правах как граждан, так и действующих экономических и политических субъектов. В свою очередь, в рамках М-модели ПРЕСТУПНОГО МИРА сила осмысляется как показатель правоты власти. Тем самым политические амбиции участников конфликта оказываются выше и существеннее права.

Практически отсутствуют в дискурсе данной темы конструктивные и позитивно оцениваемые метафоры: их доля крайне низка — 0,06, в то время как конфликтных — 0,31 в общем объеме метафор. Причем в докризисный период относительная частота появления конструктивных метафор составляет 0,02, а в момент кризиса — 0,1, то есть относительная частота появления увеличивается именно в период противостояния. Конфликтные М-модели также распределяются во времени неравномерно: до кризиса их доля составляла 0,1, а в период кризиса — 0,5. Показательно, что доля конструктивных М-моделей возрастает именно в момент обострения взаимоотношений, однако их число настолько мало, что не позволяет говорить о доминировании или устойчивом стремлении сторон к выработке взаимодовлетворяющего решения.

- Действительно во взаимоотношениях крупного бизнеса и власти есть сотни изъянов. Но если посмотреть по-крупному, то результат, безусловно, позитивен. И тот же Аркадий Иванович, которого я сейчас критиковал, много сделал для выстраивания правильных отношений бизнеса и власти. Есть, конечно, ситуации, когда интересы бизнеса и страны могут не совпадать. [«Коммерсант», 30.06.03]

Показательно, что в дискурсе по данной теме полностью отсутствует третья сторона¹, во имя и в интересах которой должны действовать и государство, и бизнес, — это общество. Граждане лишь отстраненно наблюдают за разворачивающимися событиями, их информируют об очередных атаках, игровых комбинациях и наездах сторон друг на друга, но отсутствует дискуссия об общественной полезности данного противостояния:

- Но количество людей, совершенно безразличных и ничего не знающих о чудовишном, глобальном, крайне опасном скандале вокруг самой дорогой российской компании, критически, запредельно велико. Население одной страны живет не просто в разных социальных нишах, не просто в разных условиях – в разных мирах, на разных планетах. Про человека, не знающего очевидное, то, что странно и дико не знать, на Руси говорят: мол, ты с Луны свалился. Трудно все-таки смириться с тем, что **больше половины россиян – инопланетяне**. [Новопрудский С., «Известия», 21.07.03]

¹ Собственно, обсуждаемые М-модели и их констелляции по большей части и не предусматривают присутствие третьих лиц. Лишь М-модель ТЕАТРА и, отчасти, СПОРТА допускает наличие зрителя. Впрочем, реальное употребление показывает, что частичное структурирование объекта метафорического осмысления в терминах театрального представления или соревнования почти никогда не распространяется на этих участников ситуации.

Заключительные выводы к Разделу 2

Как показали результаты исследования метафорики дискурса общественно-политической темы «Большой бизнес и власть», метафора является информативным и адекватным объектом анализа политического дискурса. Анализ метафорики показывает смысловую направленность дискурса и позволяет выявить отношение общественного сознания к тем или иным «вызовам» действительности, отраженным в текстах СМИ.

Анализ метафор позволил четко структурировать изучаемую проблему с точки зрения ее осмысления в СМИ: как журналисты излагают для читателей факты и мнения, связанные с проблемной ситуацией, как характеризуют позиции основных участников и как смотрят на перспективы дальнейшего ее развития.

Кроме того, исследование метафорики с привлечением количественных параметров оценки дискурса позволяет объективировать получаемые данные и качественные характеристики дискурса.

Не менее важно и то, что помимо метафорического осмысления дискурса темы «Большой бизнес и власть» в проведенном исследовании был предложен обобщенный алгоритм анализа метафорики произвольно взятой проблемной области политического дискурса, предполагающий не только качественные оценки, но и связанные с ними количественные параметры.

Литература

1. Баранов А.Н. Свобода справедливости или справедливость свободы? // Знание-сила, 1991, № 5.
2. Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Sprachwandel in der Slavia. Teil 1. Frankfurt am Mein, 2000.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
4. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН, сер. Литературы и языка, 2004, № 1.
5. Баранов А.Н., Борисова Е.Г., Кодзасов С.В., Паршин П.Б., Пирогова Ю.К., Репьев А.П. Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000.
6. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
7. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М, 1987.
8. Дук А.В. Политический дискурс оппозиции современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, Т. 1.
9. Завершинский К.В. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Политические исследования, 2001, № 2.
10. Казанцев А.А. Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба понятий // Политические исследования, 2001, № 5.
11. Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни // Политические исследования, 1997, № 1.
12. Паршин П.Б. Идиополитический дискурс // Труды международного семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996.

13. Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Политические исследования, 2001, № 2.
14. Сергеев В.М., Сергеев К.В. Некоторые подходы к анализу языка политики (на примере понятий «хаос», «лидер», «свобода») // Политические исследования, 2001, № 5.
15. Херадштейт Д., Нарвесен У. Психологические ограничения на принятие решения // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
16. Черников М.В. Концепты «правда» и «истина» в русской культуре: проблема корреляции // Политические исследования, 2001, № 5.
17. Шестопал Е.Б., Новикова-Грундт М.В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Политические исследования, 1996, № 5.
18. Axelrod R. (ed.) Structure of decision. The cognitive maps of political elites. Princeton, N.J., 1976.
19. Baranov A.N., Zynken J. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // Metapher, Bild und Figur. Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten/ Hamburg, 2003, S. 93-121.
20. Baranov A.N.. Justice, Equality and Freedom: The Structure of Value Concepts // P.A. Chilton, M.V. Ilyin, J.L. Mey (eds.) Political Discourse in Transition in Europe 1989-1991. Amsterdam/Philadelphia, 1998, p. 131-145.
21. Christl de Landsheer. Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // Communication and cognition. 1991, Vol. 24, № 3/4.
22. Deutsch K.W. The Nerves of Government. Models of Political Communication and Control. NY, 1963.
23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белковский С. Одиночество Путина (Президент России уходит в политическое небытие) // Завтра, 2003, № 19.
2. Бунин И. Путинское трехлетие: решенные задачи и ускользящие цели // www.politcom.ru (архив 2003 г.).
3. Бунин И. Предвыборное послание // www.politcom.ru (архив 2003 г.).
4. Варфоломеев В. Интервью с И. Буниным // www.echo.msk.ru (архив 2003 г.).
5. Воцанов П. Тайный заговор олигархов – хит политического сезона // Новая газета, 2003, № 52.
6. Гамаюн А. Предвыборный балет // Завтра, 2003, № 30.
7. Григорьева Е. На защите стабильности // Известия, 2003, № 131.
8. Гук С. Бизнес запросил pardon // Время МН, 2003, № 1202.
9. Дейч М. Черный передел, или даешь национализацию! // Московский комсомолец, 2003, № 157.
10. Джемаль О. Мочить в джакузи! // Новая газета, 2003, № 40.
11. Дискин И. Возможен ли капитализм в России? // www.politcom.ru (архив 2003 г.).
12. Дичев М. Справедливости не будет // Известия, 2003, № 117.
13. Доренко С. Левые силы – перезагрузка // Завтра, 2003, № 33.
14. Иванов Н. Рынок медвежьих услуг // Время МН, 2003, № 1196.
15. Иогансен Н. Диалог-2 // Итоги, 2003, № 28.
16. Калашникова Н. Делить на восемь // Итоги, 2003, № 14.
17. Климов С. Финансовый терроризм // Завтра, 2003, № 25.

18. Коньков Н. ЮКОС в горле-2 // Завтра, 2003, № 28.
19. Косарева Н. Новый перед собственности никому не принесет дивидендов // Известия, 2003, № 135.
20. Костиков В. Головокружение от успехов // Аргументы и факты, 2003, № 29.
21. Костюк Е. Сверхбедные против сверхбогатых // Время МН, 2003, № 1207.
22. Красников Е. Экономiku спасет реформа власти // Московские новости, 2003, № 11.
23. Кременюк В. Концепция «сильного государства» – очередной российский миф // Независимая газета, 2003, № 175.
24. Мигранян А. Год великого перелома? // Российская газета, 2003, № 159.
25. Михайлов С. Государственная Дума 2003-2007 // Аргументы и факты, 2003, № 7.
26. Никифорова М. Правые предлагают узаконить лоббизм // Независимая газета, 2003, № 149.
27. Новопрудский С. Инопланетяне и ЮКОС // Известия, 2003, № 127.
28. Положевец Г. Тревога олигархов // Время МН, 2003, № 1192.
29. Проханов А. Прокуратура – кастет с программным управлением // Завтра, 2003, № 31.
30. Проханов А. Как Ходорковскому пролезть сквозь угольное ушко // Завтра, 2003, № 32.
31. Ростовский М. Жертвы бумеранга // Московский комсомолец, 2003, № 151.
32. Ростовский М. Правила удушения // Московский комсомолец, 2003, № 146.

33. Рыклин А. Медвежья услуга // Еженедельный журнал, 2003, № 52.
34. Савин А. РФ – неоапартеид для русских? // Завтра, 2003, № 15.
35. Садчиков А. Левые и богатые // Известия, 2003, № 135.
36. Сас И. Адвокат Андрей Макаров: «Правоохранительные структуры претендуют на роль самостоятельной политической силы». // Независимая газета, 2003, № 143.
37. Сафрончук В. Россия вызывает огонь на себя // Советская Россия, 2003, № 85.
38. Серова Н. Президент и рента // www.politcom.ru (архив 2003 г.).
39. Смирнов К. Заговорщики в строю // Коммерсант, 2003, № 121.
40. Становая Т. Корпоративная экономика Кремля // www.politcom.ru (архив 2003 г.).
41. Фишман М. Правила без игры // Еженедельный журнал, 2003, № 80.
42. Шаповал С. Путин и жупел олигархии // Независимая газета, 2003, № 149.

Научное издание

Труды Фонда ИНДЕМ

Баранов Анатолий Николаевич
Михайлова Ольга Владимировна
Сатаров Георгий Александрович
Шипова Евгения Александровна

Политический дискурс: методы анализа
тематической структуры и метафорики

Компьютерная верстка *Н.Ю. Даниелова*
Корректор *Е.А. Шипова*

Сдано в набор ДАТА. Подписано в печать ДАТА. Формат 60х90 1/16
Бум. офсетная. Гарнитура «LiteraturnayaС». Печать офсетная. Усл. печ. X
Тираж 500 экз. Заказ № X

Фонд ИНДЕМ
101000, г. Москва,
Большой Златоустинский пер., д. 8/7, офис 1
Тел./факс: (095) 206-81-72, 206-88-93
e-mail: fond@indem.ru
<http://www.indem.ru>

Отпечатано в ООО «Фирма Печатный двор»
119034, г. Москва, Лопухинский пер., д. 6.